

Новгородский государственный университет
имени Ярослава Мудрого

Мусатов Владимир Васильевич

Министерство образования и науки Российской Федерации
Новгородский государственный университет
имени Ярослава Мудрого

серия
«Учёные университета»

МУСАТОВ ВЛАДИМИР ВАСИЛЬЕВИЧ

Библиографический указатель

Великий Новгород
2013

ББК 91.9:83.3(2)
М 91

Печатается по решению
РИС НовГУ

Составители:
Н. А. Сёмина,
Т. И. Козлова

Вступительная статья
Анна Хан

Научный редактор:
д-р филол. наук **О. С. Бердяева**

Рецензент:
канд. филол. наук **И. С. Абрамовская**

М 91 Мусатов Владимир Васильевич: библиогр. указ. / сост. Н. А. Сёмина, Т. И. Козлова ; вступ. ст. А. Хан ; под ред. О. С. Бердяевой ; НовГУ им. Ярослава Мудрого. – Великий Новгород, 2013. – 82 с., 1 л. портр. – (серия «Учёные университета»).

Библиографический указатель подготовлен Научной библиотекой НовГУ и продолжает серию «Учёные университета». Он включает описание трудов и публикаций доктора филологических наук, профессора В. В. Мусатова. Издание снабжено алфавитными указателями трудов, соавторов, а также указателем сокращений.

Для научных работников, преподавателей, аспирантов, студентов, для всех, кого интересует история науки и история Новгородского университета.

ББК 91.9:63.3(0)3

© Новгородский государственный
университет им. Ярослава
Мудрого, 2013
© Н. А. Сёмина, Т. И. Козлова,
составление, 2013

Предисловие

Научная библиотека продолжает издание серии «Учёные университета». Очередной выпуск посвящен научной деятельности доктора филологических наук, профессора Владимира Васильевича Мусатова.

Указатель подготовлен на основе публикаций, отражённых в каталогах и библиографических пособиях. Большинство публикаций просмотрено *de visu*. Составителями осуществлено библиографическое редактирование наименований работ, проведена их систематизация. Отбор материала закончен в октябре 2012 года.

Библиографические описания трудов и публикаций расположены по типам изданий, внутри – в хронологическом порядке, в пределах определенного года – в алфавите названий. Издание снабжено алфавитными указателями трудов, соавторов, а также указателем сокращений. Отсылки в указателях даны на порядковые номера записей изданий.

Указатель рассчитан на учёных–специалистов, преподавателей, аспирантов, студентов и всех интересующихся историей науки и историей Новгородского университета.

Составители выражают благодарность за помощь в сборе и уточнении данных профессору Ольге Сергеевне Бердяевой (НовГУ), своим коллегам: Ларисе Афанасьевне Пустной (Научная библиотека Новгородского гос. объединенного музея-заповедника), Анастасии Борисовне Максимовой (Научная библиотека НовГУ), Людмиле Леонидовне Горбуновой (отдел ИБО Зональной научной библиотеки Воронежского гос. ун-та), Элеоноре Федоровне Цветковой (Группа литературы и искусства ИБО Российской национальной библиотеки), сотрудникам Научной библиотеки Ивановского гос. ун-та (директор Бригаднова Лидия Геннадьевна), сотрудникам Национальной библиотеки Украины им. В. И. Вернадского и сотрудникам ИБО Мичуринской ЦГБ.

Пожелания и замечания просим направлять в Справочно–библиографический отдел Научной библиотеки (ул. Б. Санкт–Петербургская, 41, ауд. 1207; e–mail: Albina.Ptushkina@novsu.ru).

Хроника жизни и деятельности

1949 г. 24 августа 1956-1966 гг.	родился на станции Кочетовка Мичуринского района Тамбовской области в рабочей семье учился в средней школе № 80 Юго-Восточной железной дороги, окончил школу с серебряной медалью
1963 г. 22 декабря	первая публикация (басня «Солнце и Луна») в газете «Мичуринская правда». Участие в литературной группе при редакции «Мичуринской правды» (руководитель – Анатолий Рафаилович Монастырский). Опубликовал в газете 26 стихотворений
1966-1970 гг.	учился в Мичуринском педагогическом институте по специальности «учитель русского языка и литературы», с отличием окончил факультет русского языка и литературы
1970-1971 гг.	учитель Романовской средней школы (Новосибирская область, Чистоозерный район)
1971-1972 гг.	учитель и завуч Троицкой средней школы (Новосибирская область, Чистоозерный район)
1972-1975 гг.	ассистент кафедры литературы Мичуринского педагогического института
1975-1978 гг.	аспирант кафедры советской литературы ЛГПИ им. А. И. Герцена
1978 г.	защитил кандидатскую диссертацию по теме «Проблема художественных традиций в современной лирической поэзии 50-х – начала 70-х гг.»
1979 г. 17 января 1978-1981 гг.	присуждена учёная степень кандидата филологических наук старший преподаватель кафедры советской литературы Ивановского государственного университета
1981-1986 гг.	старший преподаватель Новгородского государственного педагогического института (НГПИ)
1984 г. 26 сентября 1986 г. 27 августа с мая 1986 г.	избран доцентом кафедры литературы Новгородского государственного педагогического института (НГПИ) решением ВАК при Совете Министров СССР присвоено учёное звание доцента по кафедре литературы доцент, зав. кафедрой Новгородского государственного педагогического института (НГПИ)
1989-1993 гг. декабрь 1992 г.	докторант Московского педагогического государственного университета им. В. И. Ленина защитил докторскую диссертацию по теме «Пушкинская традиция в русской поэзии XX в.»

1992-1994 гг.	редактор, член редколлегии газеты Новгородской епархии «София»
1993 г. 21 мая	решением ВАК при Совете Министров СССР присуждена учёная степень доктора филологических наук
1994 г. 23 февраля	Решением Государственного комитета РФ по высшему образованию присвоено учёное звание профессора по кафедре литературы
1993-1995 гг.	заведующий кафедрой литературы Новгородского государственного университета
1993-1998 гг.	профессор, зав. кафедрой русской литературы XX в., декан филологического факультета Новгородского государственного университета
1998 г.	за вклад в науку Международным Биографическим центром Кембриджа (Англия) признан Человеком столетия
1999 г.	за заслуги в области образования Российской Федерации награжден нагрудным знаком «Почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации»
2000-2003 гг.	зав. кафедрой русской литературы и журналистики филологического факультета Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого
2003 г. 11 ноября	скоропостижно скончался в Санкт-Петербурге

Владимир Васильевич Мусатов.
Пересечение судеб: воспоминания

Анна Хан, доктор наук, филолог
(Будапештский университет)

Уходя из жизни, каждый человек уносит с собой груз ещё не облечённых в словесную форму мыслей, а также и множество дилемм, оставшихся навеки без ответа. Особо относится это к тем людям, которые всю жизнь посвятили поискам решений вопросов о судьбах всеобщей человеческой жизни, русской истории и культуры, и в частности, русской литературы. Таким человеком был Владимир Васильевич Мусатов. В одном из последних писем, адресованном к автору этих воспоминаний, звучали ноты разочарованности в той традиционной филологической науке, непревзойденным мастером и даже изящным художником которой был он сам:

«В последнее время я всё больше и больше думаю о том, кому нужна филология в современном информационном обществе. И как она должна измениться, чтобы стать кому-то нужной. Мой внутренний интерес всё больше переключается на смежные области, из которых очень хочется вернуться к филологии, чтобы осознать её задачи по-новому. Пока что мне интереснее читать не столько труды филологов, сколько книги по истории, политике, теории науки. Художественный текст можно понять только на стыке этих сфер, и тогда, может быть, он станет интересным не только для филологов. [...] я сейчас с упоением читаю книгу вашего (почти) земляка Карла Полаanyi «Великая трансформация» (The Great Transformation. The Political and Economic Origins of Our Times), и она мне даёт для понимания причин возникновения русского символизма больше, чем «История русского символизма» Аврил Пайман. Филология сегодня мало что объясняет в литературе, ибо отрезала себя от изучения пластов реальности, из которых литература возникла. Мы снова возвращаемся к задачам, которые когда-то

ставили Ипполит Тэн и Александр Веселовский. Только по-иному и на иной основе» (декабрь 2002 года).

Мне хочется отправиться вспять по тропам памяти, чтобы выяснить и для себя, и для всей виртуальной филологической общественности те причины, которые привели в конце филологического пути их автора к появлению этих строк. Ради этого я должна, как бы в ретроспективном освещении восстановить историю наших встреч с Владимиром Васильевичем, и ту канву событий – внешних и внутренних, которые по моему предположению привели к этой «великой трансформации» в филологической концепции, и в более широком плане, в системе мышления автора.

У памяти – и персональной и культурной – есть свои закономерности. Одна из закономерностей памяти личной состоит в том, что когда человек достигает определённых возрастных пределов, и перед его взором начинают вырисовываться очертания собственной судьбы, он склонен видеть в когда-то кажущихся случайными фактах жизни провиденциальные черты. А другая закономерность, вступающая в силу при достижении этих пределов, проявляется в обратной направленности потока памяти; постепенно начинают выпадать из памяти звенья, связанные с ежедневными обязанностями, и с невероятной остротой и чистотой оживляются картины давно прошедших времен. Так это и происходит со мной; когда вспоминаю встречи с Владимиром Васильевичем Мусатовым, в памяти моей воссоздается вся культурная атмосфера 1970-х годов, атмосфера нашей молодости и наших «дерзновенных мечтаний».

Автора этих воспоминаний с Владимиром Васильевичем Мусатовым связывала многолетняя дружба, восходящая к началу 1970-х годов, когда по воле судьбы наши пути пересеклись в Питере, именуемом тогда ещё Ленинградом. Владимир Васильевич в эти годы находился на стажировке в ЛГПИ имени А.И. Герцена, куда он впоследствии вернулся, чтобы обучаться в аспирантуре, а я была направлена стажироваться в этот же институт Кафедрой русской филологии Сегедского университета в 1974/1975 учебном году.

Незадолго до приезда в Ленинград в Сегедском университете я защитила магистерскую диссертацию на тему «Жанровое своеобразие ранней лирики Анны Ахматовой». На данном этапе жизни я склонна видеть некоторую предопределенность и в том факте, что мой филологический путь начался с изучения поэзии Ахматовой, а филологический и жизненный путь Владимира Васильевича Мусатова завершился книгой о лирике Анны Ахматовой, которую он озаглавил так: «В то время я гостила на земле...» – и это заглавие стало исповедальным для его автора. Предисловие же к этой книге написал Владимир Николаевич Альфонсов, человек, являющийся одним из самых глубоких знатоков русской поэзии начала XX века, и поэтому одним из немногих, кто смог по истинному достоинству оценить филологический уровень статей и книг Владимира Васильевича Мусатова. И здесь из колодца памяти проглядывает ещё одна провиденциальная черта, связывающая наши судьбы, – во время стажировки в ЛГПИ имени Герцена моим «неофициальным» научным руководителем стал именно Владимир Николаевич Альфонсов. Кафедра русской литературы XX века назначила для меня в качестве официального руководителя профессора Исаака Станиславовича Эвентова, человека доброго и уступчивого, предоставившего мне полную свободу в выборе посещаемых лекционных и семинарских занятий. Таким образом, попала я на легендарные лекции Владимира Николаевича Альфонсова об истории русской литературы начала XX века, и на его спецсеминар о поэзии Александра Блока, Анны Ахматовой, Осипа Мандельштама, Бориса Пастернака и Николая Заболоцкого. Имена этих поэтов ознаменуют собой и дальнейшее направление филологических разысканий Владимира Васильевича Мусатова, а тот момент, что мы испытывали взаимное уважение к Владимиру Николаевичу Альфонсову, стал еще одной из связующих нитей в нашей дружбе.

Однако предстоит ещё сказать о том, как состоялась наша первая встреча, и как завязалось наше личное знакомство. Во время стажировки в мои обязанности входило посещение семинарских занятий, проводимых для аспирантов профессором Александром Ивановичем Хватовым. На каждом

занятии была назначена для обсуждения одна из новейших литературоведческих книг, и на очередном семинаре мы обсуждали только что вышедшую книгу Петра Васильевича Палиевского «Пути реализма». Как это и следовало, я основательно проштудировала и законспектировала в библиотеке эту книгу, и уже при первом чтении меня поразила тенденциозный характер некоторых её глав, особенно тех, которые были посвящены русскому авангардному искусству. На аспирантском семинаре я с удивлением слушала докладчика, который оценил книгу как образец новейшего литературоведения, и в дискуссии осмелилась высказать свои впечатления о предвзятости и открытом публицистическом характере некоторых глав книги. Здесь наступило молчание, которое нарушили слова сидящего за мной стажера-аспиранта: «Я совершенно согласен. И мне стыдно, что это высказала иностранка». Это были слова Владимира Васильевича Мусатова, которые, как эхо прошедшей эпохи, по сей день с живой свежестью звучат в моём сознании, потому что в этих словах уже тогда получило выражение его элементарная человеческая честность и бескомпромиссный характер его оценок, как в жизни, так и в филологических разысканиях. С такой же свежестью живёт в моей памяти дружеская беседа после моего «скандального выступления» в общежитии для аспирантов с друзьями Владимира Васильевича, многие из которых стали впоследствии знаменитыми представителями русской филологической науки. Среди друзей Владимира Васильевича был замечательный человек и учёный – Римма Михайловна Лазарчук, писавшая кандидатскую диссертацию на тему «Дружеское письмо второй половины XVIII века как явление литературы», которую она блестяще защитила. Оппонентами её диссертации были такие величины русской науки как Юрий Михайлович Лотман и Илья Захарович Серман. Впоследствии она защитила в Пушкинском Доме и докторскую диссертацию, и работала профессором в Череповецком Государственном Университете. Здесь же познакомилась я с Людмилой Николаевной Душиной, ставшей впоследствии профессором Саратовского Государственного Университета. Она в те годы писала кандидатскую диссертацию о жанровых

проблемах русской поэзии XIX века, и её оппонентами были Илья Захарович Серман и Лидия Яковлевна Гинзбург, величественная фигура русской филологической науки. Благодаря знакомству с Владимиром Васильевичем, Риммой Михайловной и Людмилой Николаевной у меня на всю жизнь определился филологический вкус, и уважение к вершинным достижениям русской науки. С Риммой Михайловной и Людмилой Николаевной мы ещё долгие годы поддерживали переписку после моего отъезда из Ленинграда, и память о знакомстве с ними по сей день вдохновляет меня к чтению их филологических статей и книг.

К таким же моментам, с полной жизненностью всплывающим из глубины памяти, принадлежит атмосфера петербургской зимы, полная душевного и интеллектуального волнения, когда по приглашению Бориса Федоровича Егорова приехал из Тарту читать лекции в ЛГПИ Юрий Михайлович Лотман. Лекции для зимней поры начинались очень рано, в 9.15, поэтому Володя Мусатов занимал для всех товарищей по аспирантскому семинару лучшие места в первом ряду битком набитой аудитории, чтобы нам лучше слышать и понимать лекции. Такая забота о нас очень пригодилась, ведь именно в это время воспитанники традиционного литературоведческого мышления только начинали осваивать теоретическую систему тартуской структурально-семиотической школы. Несмотря на то, что Владимир Васильевич не был абсолютным приверженцем структурально-семиотического направления в русском литературоведении, он все же с большим уважением относился к трудам Ю.М. Лотмана, и с воодушевлением слушал его лекции, которые впоследствии истолковывал для нас. О том, какое важное место играли в эти годы для духовного развития Владимира Мусатова труды Ю.М. Лотмана, свидетельствует и тот момент, что когда Ю.М. Лотман в очередной раз приехал читать лекции, и меня уже не было в Ленинграде, Владимир Васильевич послал мне в Сегедский Университет свои конспекты его лекций с комментариями.

После этих ленинградских встреч и бесед мы с Владимиром Васильевичем поддерживали переписку от середины 1970-х годов вплоть до 2003 года. Сначала письма шли традиционным путем по почте, потом с начала 2000-х годов мы перешли на электронную переписку. Я сохранила эти письма как ценнейший документ развития филологических идей очень близкого мне по духовному менталитету человека, и первый раз в жизни, на склоне своих лет делюсь публично в своих воспоминаниях теми мыслями, которые занимали автора этих писем.

Летом 1975-го года, когда все коллеги по аспирантскому семинару разъехались по своим городам, я получила возможность остаться до осени в Ленинграде для занятий в библиотеке, именуемой всеми нами Салтыковкой. Таким образом, первая партия писем поступила ко мне этим летом из Мичуринска, где Владимир Васильевич в то время работал в Государственном педагогическом институте.

В одном из писем, отправленном летом 1975 года из Мичуринска, Владимир Васильевич с гордостью рассказал о том, что после конференции, где он участвовал, ему удалось «чутьочку говорить» с Ю.М. Лотманом. В этом же письме рассказал он и о том, что в настоящий момент в основном читает книги по истории России, среди них и труды Ключевского, и документальную книгу Михайловского-Данилевского о периоде отечественной войны 1812-1815 гг. По поводу этих своих чтений Владимир Васильевич признавался в следующем:

«Лекции Ю.М. Лотмана очень помогают осмысливать материал. Много неожиданного (не в смысле хода событий, который достаточно известен, а в смысле фактов, которыми оснащено повествование). Чувство, которое испытываешь при этом – удивительно. Где-то у Кушнера есть строки: Какая удача – родиться / В такой беспримерной стране».

Я считаю важным цитировать эти строки из писем Владимира Мусатова не только для того, чтобы доказать как горячо его интересовали факты отечественной истории, и как органически его судьба срослась со своей

родиной, но ещё и ради того, чтобы проследить, как сформировалась его филологическая концепция. Мне кажется, что тот метод анализа литературных произведений, который Владимир Васильевич применяет в своих зрелых трудах, представляет собою своеобразную амальгаму, образовавшуюся из его чтений по русской истории, в частности и по истории русской теоретической мысли, в равной мере как литературоведческой, так и философской. Мне представляется возможным предполагать, что этот методологический подход близок к историософским представлениям.

На этом раннем этапе формирования его филологических взглядов, безусловно, важнейшую роль играли теоретические работы тартуской школы. В другом письме, отправленном этим же летом 1975 года из Мичуринска в Ленинград, Владимир Васильевич рассказал, что для того, чтобы пополнить теоретическую базу своих филологических исследований, он читает разные выпуски Трудов по знаковым системам, и обратил мое внимание на новейший выпуск:

«В шестом выпуске Трудов по Знаковым Системам есть две великолепные работы – В.Н. Топорова «О космологических источниках раннеисторических описаний» и Ю.М. Лотмана в соавторстве с Б.А. Успенским «Миф – имя – культура». Работы, на мой взгляд, гениальные или на грани гениальности. Они гораздо шире своего названия и открывают такие перспективы мысли, от которых дух захватывает».

А после того, как в конце августа 1975 года я окончательно вернулась из Ленинграда в Сегед, а Владимир Васильевич вернулся в Ленинград, чтобы три года обучаться в аспирантуре в ЛГПИ имени Герцена, новая партия писем поступала ко мне из Ленинграда на Кафедру русского языка и литературы Сегедского Университета. В письме, полученном мною осенью 1976 года, Владимир Васильевич подробно рассказал о «похождениях» своей аспирантской жизни; о том, на каких конференциях он присутствовал в Пушкинском Доме, в Доме-Музее Достоевского, при этом в каждом случае перечисляя темы самых интересных докладов, а также поделился своими

впечатлениями от выставки картин в Эрмитаже английского художника эпохи романтизма Уильяма Тёрнера. Эти строки свидетельствуют о том, с каким безошибочным интуитивным вкусом Владимир Васильевич разбирался в процессе стилевых смен, происходивших в живописи от XIX до XX веков:

«Художник, который меня поразил, как никто. Во-первых, это предсказывает почти целиком импрессионизм. Во-вторых, предвосхищает художников начала XX века – особенно в акварели. Мы ходили и «узнавали» то Чюрлениса, то Моне, то Петрова-Водкина, то Матисса... Первое впечатление: этого не может быть, не могло быть – в 30–40-е годы XIX века! Ещё более поразительно – сочетание живописной манеры начала XIX века (литографская затуманенность) и порывы в XX век – иногда в пределах одной работы. Или – композиционная статичность и сумасшедшая фактура живописи».

Можно предполагать, что на эту искусную характеристику живописи Тёрнера в некоторой степени смогли повлиять лекции и книги Владимира Николаевича Альфонсова, в которых стилевые явления литературы всегда интерпретировались им в их органической связанности с соответствующими направлениями в живописи. Однако, наверное, в становлении этого художественного вкуса играли роль и самостоятельные студии в области живописи. Мне запомнилась одна из наших встреч с Владимиром Васильевичем в Салтыковке. Подошедши к его библиотечному столу, я с удивлением видела, что на столе громоздятся книги об истории живописи, и он читает монографию Аллы Русаковой о Борисове-Мусатове. В ответ на моё удивление Владимир Васильевич сказал, что Борисов-Мусатов – его любимый художник, и ему особенно близок русский импрессионизм начала XX века.

Об интересе к русской живописи на равных правах с литературой свидетельствует и более позднее письмо начала 1977 года, где Владимир Васильевич рассказал не только о появлении новых книг, но и о новых выставках:

«В Ленинграде сейчас кое-что интересное, пожалуй, есть. Во-первых, выставка русского портрета в Русском Музее. Хорошо представлен XX век: есть Филонов, Шагал, Кандинский, Серов, Шухаев, Лентулов, Гончарова, Ларионов, Серебрякова и ещё много-много хорошего.

Вышла Ахматова в Большой серии библиотеки поэта с комментариями В. Жирмунского; вышли в Малой серии Вяч. Иванов и Б. Пастернак».

В письмах Ленинградского периода его жизни Владимир Васильевич делился со мной своими исследовательскими планами. В одном из них он с сожалением рассказал о том, что по решению диссертационного совета его научным руководителем стал не В.Н. Альфонсов, а И.С. Эвентов. Однако он утешился тем, что Владимир Николаевич обещал консультироваться с ним, а также и читать его публикации и все главы диссертации. На протяжении всей аспирантуры их научный контакт был очень тесен, и Владимир Васильевич очень дорожил мнением Владимира Николаевича. В письмах он рассказывал о том, как В.Н. Альфонсов отзывался о его публикациях, готовящихся к печати. Однако параллельно с работой над темой кандидатской диссертации – по свидетельству писем – Владимир Васильевич не переставал читать книги, как исторические, так и новинки современной русской прозы. В письме, написанном в начале 1977 года, Владимир Васильевич предложил мне ряд произведений для чтения, среди которых были названы «Прощание с Матёрой» и «Живи и помни» Валентина Распутина, «Кануны» Василия Белова, «Царь-Рыба» Виктора Астафьева, «Похождение дилетантов» Булата Окуджавы, «Белые флаги» Нодара Думбадзе, и заодно указаны опубликовавшие их литературные журналы. Он исполнял в эти годы по отношению ко мне своеобразную культурно-просветительскую миссию, которая мне была очень нужна, потому что в это время в Сегедском университете я преподавала русскую и советскую прозу 1920-х годов и читала спецкурс о современной русской прозе и поэзии.

А в следующем письме, полученном осенью этого же 1977 года, Владимир Васильевич откликнулся на только что полученные по почте оттиски

двух моих статей о жанровом своеобразии ранней лирики Анны Ахматовой,¹ текст которых он основательно изучил. Не оспаривая убедительность и точность интерпретации стихотворений Ахматовой в этих статьях, Владимир Васильевич, однако, в своём объемном письме на пять страниц сделал ряд полемических замечаний, поделился со мной теми сомнениями, которые вызвало в нём чтение этих моих ранних работ. Я считаю важным процитировать некоторые выдержки из этого письма, с одной стороны потому, что на их примере можно проследить, каким образом из полемических заметок выросла та методология интерпретации стихотворений, которую мы видим осуществленной в его монографических трудах, а с другой стороны, потому, что именно Анна Ахматова стала впоследствии героиней многих статей Владимира Васильевича, а также и его последней посмертной монографии:

«Я всегда мучаюсь одним противоречием, когда пишу о поэзии. Противоречие это, вот какого свойства. Описывая ту или иную художественную структуру, мы всегда описываем, с одной стороны, её как структуру индивидуальную, с другой – как феномен искусства вообще, говорим об общих свойствах художественного целого, свойствах, так сказать родовых. И очень часто одно невольно становится на место другого. Это понятно, потому что всякое произведение держится напряженностью индивидуально-художественного и всеобще-художественного. [...] Но вот не кажется ли Вам, что в отдельных моментах статьи снимается слой «общего», хотя речь идет об индивидуальном. Вы пишете о двойственном характере «предметности» стиля Ахматовой, когда предметы внешнего мира одновременно и «пластика» и «символы» лирической информации. Мне всё-таки думается, что в данном случае перед нами если не родовое свойство лирики, то во всяком случае широко-стилевое, присущее целому ряду поэтов».

¹ Это были собственно первые мои публикации на русском языке, подытоживающие опыты анализа магистерской диссертации, написанной на венгерском языке: К проблеме жанрового своеобразия ранней лирики А.Ахматовой. Ч. I. // *Acta Universitatis Szegediensis, Dissertationes Slavicae IX-X*. Szeged, 1975. С.55-83. К проблеме жанрового своеобразия ранней лирики А.Ахматовой. Ч. II: (Опыт параллельного анализа семантической структуры текста и психологической структуры жанровой модели) // *Acta Universitatis Szegediensis, Dissertationes Slavicae XI*. Szeged, 1976. С. 21-44.

Владимир Васильевич для подтверждения своей аргументации приводил «давнюю, но не потерявшую значения» статью Семёна Франка «Космическое чувство в поэзии Тютчева», где утверждается, что предметность является органическим свойством выражения лирической эмоции, в которой субъективно переживаемое и его предметное воплощение неразделимы: *«Художественное переживание есть всегда предметное чувство, в котором погашено различие между субъектом и объектом, в котором нет отдельно объективных вещей и субъективных эмоциональных реакций, а есть только одно целостное, субъективно-объективное сознание, нечто новое, объемлющее и чувства, и представления, и вырастающее из их взаимопроникновения. Но это «чувство» или «впечатление», с другой стороны, тоже не существует как нечто только субъективное, как «душевное переживание», которое искусственно, в виде произвольной иллюзии, переносится поэтом на вещи, «вкладывается» в них и как бы извне обрамляет и разукрашивает их. Напротив, оно вырастает из самых объектов и неотделимо от них»* («Русская мысль», 1913 г., ноябрь, С. 3.).

Владимир Васильевич приводил эту длинную цитату из статьи Семёна Франка для доказательства того, что те формы опосредования лирической эмоции, которые мне показались характерными чертами индивидуального поэтического стиля Ахматовой, на самом деле присущи лирической поэзии вообще. Когда сейчас, спустя сорок лет, перечитываю и заново осмысляю эту аргументацию, мне представляется, что Владимир Васильевич не случайно ссылаясь на статью Семёна Франка, поскольку в ходе своей аргументации он очень близко подошел к основоположениям феноменологической эстетики при объяснении природы лирического творчества.

В ходе своих полемических заметок Владимир Васильевич подробно цитировал и другую работу, статью Осипа Мандельштама «Буря и натиск», где выдвигается мысль о том, что в основе структуры стихотворений Ахматовой лежит «типический параллелизм народной песни с его яркой асимметрией двух смежных тезисов» («Русское искусство», 1923, № 1, С. 80). Этим вторым замечанием Владимир Васильевич обратил моё внимание на то, что помимо

предметности как общей родовой черты лирической поэзии Ахматовой, специфический «национальный характер» её лирического «Я» угадывается именно в этой связи с традиционными формами русской народной песни, на которую впервые указал Осип Мандельштам.

Письмо, полученное мною из Ленинграда в конце декабря 1977 года, имеет важное значение, с точки зрения перипетий судьбы и автора и адресата письма. В письме, написанном из Сегеда осенью этого же года, я сбивчиво поведала Владимиру Васильевичу о своём решении, которое определило дальнейший ход моей личной и филологической судьбы. Я оставила город Сегед, где училась в университете, и Кафедру русской филологии, где я проработала почти десять лет. Оставила любимую кафедру и верных коллег, и решила переселиться в Будапешт. Здесь не место рассказывать о том, какие весомые причины заставили меня сделать это. Владимир Васильевич, таким образом, отреагировал на мой рассказ об этом решении:

«Я, разумеется, не знаю ничего о мотивах Вашего решения, как не знаете, судя по письму, о них и сами Вы. Впрочем, ведь есть в каждом из нас какая-то тёмная, непросветленная рациональным сознанием подоснова (не «бессознательное» Фрейда, нет!), какая-то природная логика нашего индивидуального мироощущения и поведения. <...> Разгадывать её бессмысленно, а, может быть, единственный возможный смысл – не изменять ей, потому что она тебя за это жестоко накажет в ситуации любого благополучия. Не терзайте себя, выгадали или прогадали на этом, выиграли или проиграли. Если это Вам было внутренне необходимо, Вы – правы».

Эти строки я читала как своеобразное оправдание моего решения, и они успокоили меня, по крайней мере, на определенное время. Владимир Васильевич в этот период своей жизни тоже стоял перед важными решениями, обратившими русло его жизни в новом направлении. Он рассказал о том, что болезненно переживает переезд из города Мичуринск и развод с первой женой, и спасает его, прежде всего, работа над статьями по теме кандидатской диссертации. Владимир Васильевич подробно рассказал о задуманной статье о

философской лирике конца 1950-х – 60-х годов, и о том, что в настоящий момент работает над последней главой диссертации. Я считаю важным процитировать длинный абзац об изложении концепции этой главы, потому что это снова позволяет нам проследить, как формировалась филологическая концепция Владимира Мусатова, и что заставило его от посвященной лирике 1950–60-х годов темы кандидатской диссертации вернуться к поэзии начала XX века:

«Сейчас пишу последнюю главу о Евтушенко, Вознесенском, Ахмадулиной. Материал для меня непитательный, потому что в большом смысле эти поэты не состоялись. Вообще вдруг открыл, что вся наша поэзия, заявившая о себе в 50–70-е годы, питалась осколками философско-художественных концепций начала века: Блок, Есенин, Маяковский, Цветаева, Ахматова. Попытка чуточку зачерпнуть из Баратынского, Тютчева. Единственный же большой поэт 40-60-х годов (Пастернака и Заболоцкого исключаю – они все там и современники нам в другом смысле) – Твардовский, который растёт на решительном и принципиальном отказе от этих традиций. Причём, вырастая на почве массового сознания, как вообще росла наша поэзия 30-х годов, он его перерос и вышел в пласт сознания эпического. В этом смысле он уникален – как поэт абсолютно эпический (даже в лирике)».

Эти размышления позволяют предугадать, почему в монографии Владимира Мусатова «Пушкинская традиция в русской поэзии первой половины XX века» самым ценным моментом пушкинского наследия является освоение его эпического мышления.

После того, как Владимир Васильевич устроился преподавателем в государственном университете города Иваново Владимирской области, новые партии писем поступали оттуда. В одном из писем, полученных мной весной 1979 года, Владимир Васильевич рассказал о том, что в октябре 1978 года он защитил кандидатскую диссертацию в ЛГПИ, а в январе следующего года учёный совет утвердил его научную степень.² В это время после некоторой

² Кандидатская диссертация Владимира Васильевича тоже вышла отдельной книжкой как учебное пособие в издании Ивановского государственного университета: Мусатов В. Художественные традиции в современной поэзии. Иваново, 1980.

передышки он задался вопросом о том, в каком направлении продолжать исследовательскую работу. Его весеннее письмо 1979 года свидетельствует о том, что уже в эти годы непосредственно после защиты, его занимала мысль о написании цикла работ о поэзии Мандельштама:

«Хочу написать дилогию из двух статей: «Тютчев и Мандельштам», Батюшков и Мандельштам». Вот если бы еще третью: «Пушкин и Мандельштам»! Но об этом могу только мечтать. Я страшно обрадован тем, что Вы тоже думаете над поэзией Осипа Эмилевича.³ Никто, как он, в первой трети XX века так не отстаивал идею гуманизма на исторической, культурной почве».

А в письме от 22-го октября 1979 года он уже сообщил о том, что закончил статью на полтора листа «Мандельштам и Тютчев», и пока думает о том, какому журналу её послать, и сообщил также о том, что уже задумал следующую статью «Мандельштам – Батюшков – Пушкин». Эти письма свидетельствуют о том, насколько последовательно развивалась филологическая мысль Владимира Мусатова, и насколько органически вырастала из отдельных статей целостная концепция его монографических работ.

Мне уже, к сожалению, начинает изменять память, и поэтому я не смогу точно вспомнить, по какому случаю я приезжала летом 1979 года в Ленинград, как мне помнится, наверное, сопровождала венгерскую студенческую группу, так же, как в случае моего первого приезда в Ленинград, в 1971-м году. Если бы об этой нашей встрече не напоминало бы мне письмо Владимира Васильевича, написанное в октябре 1979 года, она окончательно канула бы в глубине забвения. А встреча состоялась, потому что Владимир Васильевич в начале письма признается в том, что после этой встречи ему даже легче писать письмо, потому что «<...>со временем теряешь адресата как живую реальность», и «Нам остается только имя, чудесный звук на долгий срок...». А по свидетельству этого осеннего письма, при нашей встрече происходили

³ Это замечание в письме Владимира Васильевича относится к тому, что незадолго до этого послала ему по почте свою единственную опубликованную о поэзии Мандельштама статью, озаглавленную так: «Заметки о семантике контекстных переключек: (анализ стихотворения О. Мандельштама «Кому зима арак...»)» // *Acta Universitatis Szegediensis, Dissertationes Slavicae* XII. Szeged, 1977. С. 3-28.

страстные дискуссии о судьбах филологической науки, о её призвании для человека XX века. Владимир Васильевич видел в некоторых уклонах структурально-семиотического метода искушение литературоведения духом «научного позитивизма» и соблазном «объективизма». В полемике с этим направлением уже на первых страницах своего письма он утверждал свой собственный принцип о задачах филологии:

«Но наши-то знания из разряда личностных. Исследователь как субъект невычленим из процесса познания – это азбучно не только начиная с открытий физики XX века, но хотя бы с Шеллинга, утверждавшего «я» как исходный и неустранимый пункт в познании «не-я». Личностный характер знания – это ведь, согласитесь, не субъективность и не импрессионизм. Мы пытаемся мыслить о себе и о мире изнутри искусства, изнутри судьбы художника, соединяя их с остальными областями знания – в том числе и знания непосредственно-личностного».

Нетрудно в этих размышлениях уловить зачатки той концепции, которой Владимир Мусатов руководствовался в анализах стихотворения Иннокентия Анненского в пятой главе своей монографии «Пушкинская традиция в русской поэзии первой половины XX века», и о которой речь пойдет ниже. Перечитывая письма Владимира Васильевича в такой большой перспективе времени, мне лишний раз остается удивляться тому, насколько тесно переплетаются в этих письмах основные представления их автора о природе нашего назначения в житейской сфере и о природе назначения поэтического творчества и филологической науки. С этой точки зрения очень показательны взгляды, сформулированные в письме от 13-го декабря 1979 года. В предыдущем своём письме я, по всей вероятности, жаловалась на то, что в последнее время от напряженной работы много болела, и по моим цитированным в письме Владимира Васильевича словам также и на то, как трудно преодолеть разрыв между «высокими мыслями философского и филологического порядка» и «элементарными жизненными проблемами душевного и биологического

выздоровления». Владимир Васильевич на эти дилеммы дал такой ответ, тон которого повлиял на меня одновременно и утешительно и отрезвляюще:

«Первое только и может рождаться в глубинах второго, на основе второго – это моё глубочайшее убеждение. Высокомерие духа по отношению к жизни я всегда воспринимал недоверчиво, хотя и сам не раз этим соблазнялся. Мы никуда не можем уйти от этой основы. Да вспомните любимого Вами Платонова, у которого именно в недрах душевной и биологической элементарности идёт процесс величайшего познания – самопознания.

Вы точно и хорошо сформулировали мои мысли, которыми я был занят два года назад – о жизни как познавательном акте, разворачивающемся во времени. <...> О поэтической системе как индивидуальной модификации «я» – «не-я» я почти такими же словами говорил позапрошлым летом человеку, который позвал меня на работу в Иваново. Помню даже, что это было в Комарове, в доме отдыха писателей. Как странно, что это вдруг вернулось ко мне Вашим письмом, в котором я узнал своё – не только подуманное, но и высказанное».

В тех письмах, которыми мы обменивались в конце 1970-х и начала 1980-х годов, когда Владимир Васильевич работал в Иваново, много раз возникал вопрос о возможности вместе посетить такие исторические места как Владимир и Суздаль, которые, как оказалось, находились совсем недалеко от Иваново. Такая возможность скоро открылась, поскольку я приехала в Москву как преподаватель Будапештского университета, сопровождающий венгерских студентов-стажёров на весенний семестр 1981 года, и именно в июне этого года состоялась наша следующая встреча. В этот же семестр мой старый приятель по Сегедскому университету, Дьёрдь Явор находился во Владимире в этом же качестве. После того как Владимиру Васильевичу рассказала в письме о том, что нахожусь в Москве, он предложил быть нашим «экскурсоводом» в путешествии по «золотому кольцу». Я уже заранее предвкушала и радость нового свидания и знакомство с историческими памятниками России, о

которых Владимир Васильевич подробно и увлечённо писал в одном из предыдущих писем:

«Там (т.е. в Суздале) много старины XV–XVII веков. Хотя это не Новгород и даже не Псков. Это послемонгольская Русь, осложненная потугами на «третий Рим», на византийство. Византийская чистота, помноженная на русскую суровость и сдержанность, была в XII веке, когда наше европейство зачиталось в абсолютном культурном равенстве перед Западом. Да Вы были в Новгороде – что говорить! Но Суздаль – просто другое: допетровское, уже внутренне устремленное к тому, чтобы расцвести и переломиться к концу XVII века. Хотя я Суздаль не люблю. Не моё. Но зато рядом Владимир, где есть любимый мною XII век, есть XIV с его возрожденческими устремлениями».

С таким же увлечением показывал нам наш «экскурсовод» белокаменные памятники Владимира и Суздаля, и читал нам целый курс историко-культурных лекций, посвящая нас во все тайны истории этих памятников. Из этой экскурсии особо запомнился мне тот момент, когда мы ездили в Боголюбово, чтобы увидеть уникальный памятник русского зодчества, Церковь Покрова на Нерли. Владимир Васильевич выбрал для нас место, откуда с лучшей перспективы можно охватить взглядом вид храма, и мы расположились на лугу. На этот раз не были нужны никакие слова, у нас дух захватило от зрелища, которое открылось перед нами. Маленькая церковь, расположенная на заливном лугу, блестела как драгоценный камень, и мы все трое молча сидели в этой молитвенной тишине. И тогда мне показалось, что перед нами открывается не только широкая перспектива с видом Покрова на Нерли, но распахиваются и горизонты самой жизни – что всё ещё впереди, что нас ждут ещё великие творческие свершения, и нам предстоит ради их осуществления только неустанно трудиться. Володя Мусатов на протяжении истории нашей дружбы не раз щедро одаривал меня глубиной мысли своих книг и статей, но впечатление от этого зрелища может быть останется для меня самым ценным подарком.

Последняя партия писем была отправлена из Великого Новгорода, а датировка писем в то же самое время знаменовала и этапы жизни, и перипетии судьбы их автора. В последние годы нашей переписки мы обменивались электронными письмами в духе достижений современной техники. Эти электронные письма я всегда распечатывала для себя, таким образом, они и сохранились.

Таким же случайным и в то же время закономерным пересечением наших путей была следующая встреча в 1992-ом году в РГГУ на конференции «Культура и кризис», где я выступила с докладом на тему «Заметки к проблеме культурного кризиса и философского опыта его преодоления в начале XX века».⁴ Володя в это время тоже находился в Москве, потому что был занят подготовкой защиты своей докторской диссертации. Галина Андреевна Белая – профессор РГГУ и организатор конференции, перед чтением доклада подошла ко мне и сообщила, что меня ждёт радостная встреча со старым приятелем, ведь Владимир Васильевич Мусатов тоже присутствует в зале. После доклада я сразу подошла к Владимиру Васильевичу, и он передал мне записку, которая содержала его замечание по поводу прослушанного доклада:

«Натурализация идеала, стремление превратить его в данность есть уничтожение истории, возвращение назад в природу («Ламарк» Мандельштама) – и, следовательно, чревато демонологией, противоборством с человеческой свободой. История – среда, в которой назначено действовать свободной человеческой воле (свобода выбора в кантовском понимании). Здесь, в пределах истории, не может быть никакой конечной оценки результативности наших усилий. Оценка возможна только при условии «конца истории», понятого как исполнение её целостного замысла («полнота времени»)).»

Опубликованную в сборнике «Некалендарный XX век» статью я завершила точной цитатой этой записи, переданной мне после прочитанного

⁴ Текст этого доклада долго лежал неопубликованный и недоработанный, и поскольку его прочтение было тесно связано с встречей с Владимиром Васильевичем на конференции «Культура и кризис» и его замечаниями, комментирующими основную концепцию доклада, я решила опубликовать переработанный вариант этого текста именно в одном из томов «Мусатовских чтений», и таким образом он увидел свет в сборнике «Некалендарный XX век» в 2011-ом году (М.: Издательский центр «Азбуковник»).

доклада Владимиром Васильевичем. Тогда я видела функцию этой цитаты в своеобразном подытоживании концепции моей статьи. Однако здесь я хотела бы ещё раз в полном объёме привести всю цитату, потому что, как мне кажется, истинный её смысл, который раскрылся для меня в ходе писания этих воспоминаний, наглядно характеризует культурно-историческую концепцию Владимира Мусатова.

Как это было изложено в тексте моего доклада, многие русские мыслители начала XX века верили в действенную, пересоздающую жизнь роль эстетической и философской мысли, поэтому их теоретическая концепция носила утопический характер. Воспринимая желаемое «культурное единство» как изначальную данность, бытующую в глубине иррационального опыта, они – как на это указывается в предисловии, предпосланном к первому номеру журнала «Логос», – путая начала и концы, исходную данность берут за преследуемую цель культурного творчества. Как явствует из формулировки в записке мысли Владимира Мусатова, он не верил в осуществимость утопических проектов, а скорее всего, верил в поступательные и мучительные творческие усилия, осуществляемые через преемственную цепь сменяющих друг друга поколений в земном, историческом измерении. Неслучайно, начиная с темы кандидатской диссертации вплоть до монографических трудов, его волновала проблема традиции, и коренящиеся в ней новые творческие стремления.

Поэтому, как мне кажется, культурная концепция, изложенная в записке, является синтезом двух направлений русской философской и культурной мысли, прослеживаемых мною в тексте доклада. С одной стороны, мысль Владимира Мусатова близка к концепции Густава Шпета, не верящего в возможность непосредственного постижения истины путем иррационального проникновения в его сущность. Согласно философской концепции Густава Шпета постижение «истины» и «онтологического всеединства» возможно лишь в

социально-историческом измерении, в их реальном бытии.⁵ С другой стороны, мысль Владимира Васильевича перекликается с концепцией Г. Флоровского, изложенной в статье «Метафизические предпосылки утопизма». По утверждению Флоровского познание Истины является «историческим делом», которое могут осуществлять только сменяющие друг друга поколения в измерении земного бытия, и эта преемственная цепь поисков истины по своему характеру является трагической борьбой, уподобляемой героическому подвигу. Только эти героические усилия могут противостоять тому, чтобы стремления к созданию культурного единства не вернулись к исходной точке, не превратились в эсхатологические чаяния и не нырнули в хаос небытия и забвения.

Вся концепция монографического труда Владимира Мусатова «Пушкинская традиция в русской поэзии первой половины XX века»⁶ свидетельствует о том, насколько важное место занимала в его филологической концепции преемственная связь между разными поэтическими поколениями, осуществляемая в историческом измерении. Пушкинский урок, предоставляемый поэзии XX века, Владимир Мусатов сформулировал в заключительной главе своей книги с особой отчетливостью. Оценивая значимость пушкинского наследия для художественного самосознания начала XX века, автор книги выделяет два момента; с одной стороны, идею художественной свободы, абсолютный характер автономии творческой личности, с другой стороны, идею историзма у Пушкина. Кажущуюся противоречивость этих двух принципов Владимир Мусатов решает следующим образом:

«Соединить пушкинский историзм и пушкинскую эстетическую свободу оказывалось трудно, поскольку, на первый взгляд, они чуть ли не отрицали друг друга. <...> Если личность не может осуществить себя иначе, чем

⁵ О том, что философская и эстетическая концепция Густава Шпета была близка Владимиру Васильевичу, свидетельствует и тот факт, что по приглашению Николая Серебренникова – старого друга по Новгородскому университету он собирался приехать в ноябре 2002 года на Шпетовские Чтения в Томск. Мы смогли бы встретиться на этих чтениях, где я выступила с докладом на тему «Борис Пастернак и Густав Шпет». После возвращения из Томска, в декабре 2002 года я получила электронное письмо с такими словами: «Я рад, что Вы удачно съездили в Сибирь, куда я тоже был зван Колей Серебренниковым, но не поехал из-за всяких то ли обстоятельств, то ли обязательств».

⁶ Эта книга вышла в Москве в двух изданиях, сначала в 1992 году в издательстве «Прометей» в двухтомном варианте, а потом в 1998-ом году в издательстве РГГУ в однотомной форме. В данных воспоминаниях ссылки даются на это второе издание.

*отстаивая своё право на свободу, то нация не в состоянии сделать то же самое иначе, чем выражая себя в формах государственного устройства. Взгляд, объединяющий оба уровня исторического бытия, личностного и надличностного, и был пушкинским историзмом».*⁷

Утверждая вслед за интерпретацией пушкинского историзма у Бориса Энгельгардта идею исторической действительности как объективной ценности, Владимир Мусатов в то же самое время учитывает специфические закономерности исторической ситуации начала XX века. Прослеживая пути и формы возобновления пушкинского историзма у плеяды русских поэтов начала века – у Анненского, Ахматовой, Мандельштама и Пастернака, автор книги отмечает катастрофическое, а порою и апокалиптическое мироощущение, характерное для восприятия этими поэтами данной исторической ситуации. В то же самое время, Владимир Мусатов справедливо полемизирует с теми исследователями поэзии Мандельштама, которые приписывают его поэтическому мышлению апокалиптические черты.⁸ При чтении заключительной главы монографии, нам представляется абсолютно закономерным, что героем следующей монографии Владимира Мусатова как исследователя истории русской поэзии XX века, стал Осип Мандельштам, ведь концепция автора этой монографии об объективно-ценном замысле, скрывающемся в глубине исторического процесса, и идея о взаимосвязи человеческой свободы и архитектоники государственного устройства в

⁷ Мусатов В.В. Пушкинская традиция в русской поэзии первой половины XX века. М.: Издательский центр РГГУ, 1998. С. 438-439.

⁸ На этом месте для подтверждения справедливости полемики Владимира Мусатова с филологами, утверждающими апокалиптический характер поэтического мышления Мандельштама, хотелось бы привести выдержку из неопубликованной статьи на тему «Память и забвение в историко-культурной концепции Осипа Мандельштама», написанной автором этих воспоминаний в 1982-ом году: «Тема памяти и забвения как историко-культурная проблема возникает уже в ранней статье Мандельштама «Пушкин и Скрябин», и она сопряжена с пониманием категории времени. Новейший, послехристианский период европейской культуры Мандельштам воспринимал как период нового варварства, как отправление хода истории вспять, по обратному течению.<...> Однако Мандельштаму была чужда мысль о конце целой историко-культурной эпохи, о закате европейской цивилизации, источник вечной свежести и неувыдаемости христианской культуры он видел в её эллинском происхождении: «Эллинизм оплодотворенное смертью и есть христианство. Семя смерти, упав на почву Эллады, чудесно расцвело: вся наша культура выросла из этого семени, мы ведем летоисчисление с того момента, как его приняла земля Эллады» («Пушкин и Скрябин») Поэтому залогом возрождения европейской культуры будет припоминание ее животворного источника, эллинского мировоззрения. В этой же статье сформулировано Мандельштамом высокое нравственное кредо художественного творчества: «Побороть забвение – хотя бы это стоило смерти».

некоторых пунктах перекликается с основным замыслом статьи Мандельштама «Гуманизм и современность». В этой статье, написанной в 1923-ом году, в эпоху исторических катаклизмов, Мандельштам различает два типа социальной архитектуры: в одной из них человеческая единица считается ничтожеством, лишь строительным камнем социальной архитектуры, в другой мерилom является человеческая личность, и целесообразность социального здания учитывает личностные потребности человека. Именно домашнее тепло человеческого очага должно стать телеологическим центром социальной архитектуры, способной противостоять историческим катастрофам: *«Монументальность надвигающейся социальной архитектуры обусловлена её призванием организовать мировое хозяйство на принципе всемирной домашности на потребу человеку, расширяя круг его домашней свободы до пределов всемирных, раздувая пламя его индивидуального очага до размеров пламени вселенского. Грядущее холодно и страшно для тех, кто этого не понимает, но внутреннее тепло грядущего, тепло целесообразности, хозяйственности и телеологии, так же ясно для современного гуманиста, как жар накаленной печки сегодняшнего дня»*.⁹

Мне ещё предстоит говорить и о других чертах концепции книги Владимира Мусатова «Пушкинская традиция в русской поэзии первой половины XX века», но для этого я должна перейти к рассказу о нашей следующей, и в то же время последней личной встрече, которая состоялась в 1993-ом году уже за пределами России, в Будапеште. Владимир Васильевич осенью того года приехал по приглашению своих венгерских коллег на международную конференцию, посвященную теме пушкинского наследия в русской литературе XX века. К этому времени Владимир Васильевич защитил докторскую диссертацию по теме своей монографии, и её научная степень была утверждена учёным советом РГГУ в месяце мае того же 1993 года. На будапештскую конференцию он подал тему доклада «Пушкин и судьба русской поэтической традиции начала XX века».

⁹ Мандельштам О. Сочинения. Т. 2: Проза. Переводы / Осип Мандельштам. М.: Худож. лит., 1990. С. 206-207.

В прочитанном на будапештской конференции докладе Владимира Васильевича как бы в сгущенном виде сосредоточилась вся концепция его монографического труда. По этому докладу слушателям стало ясно, что одним из последствий освоения пушкинского наследия русскими поэтами начала XX века стало расширение горизонтов лирического изображения, выход за пределы лично-индивидуальной субъективности в надличностные сферы, и интериоризация в пределы лирической поэзии эпических полотен изображения самой жизни. Доклад выделялся на фоне господствующего в эти годы структурально-семиотического подхода к анализу литературного произведения глубиной историко-литературной концепции. В филологических исследованиях Владимира Мусатова всегда центральным оказывался вопрос о генезисе, об историко-культурных корнях определенного литературного явления, поэтому и возникновение поэтических течений и эстетических веяний он всегда рассматривал в широкой историко-культурной перспективе.

После возвращения в Великий Новгород Владимир Васильевич поделился со мной в письме своими впечатлениями о пушкинском коллоквиуме в Будапеште. По поводу методологической установки прочитанных там докладов, а также и по поводу современного состояния филологической науки он сформулировал свои взгляды следующим образом:

«Филология мне важна не школой и не выяснением отношений между школами, а открытым полем сознания, на котором мы сходимся, чтобы уйти потом не с пустыми руками. Филология не имеет права на существование, если она не будет лабораторией самопознания, а методы её лишь тогда оправданы, когда они к этому самопознанию ведут. Математика – наука для работы с объектом, а объект филологии не может быть «чистым», ибо его назначение – быть не просто воспринятым, но перенятым. Филология имеет отношение к перекодировке другого (чужого) духовного опыта в знаках иной системы и иной эпохи, что отнюдь не означает субъективно-психологического произвола и требует точности и честности мысли. Впрочем, кажется, филология еще мало думала о собственных основаниях, и, кроме формалистов и Бахтина, о

них не слишком задумывались. Так что сегодня филолог оказался в ситуации гносеологической неопределённости, если не произвола. У Гегеля есть мысль об искусстве как объективированном, вынесенном вовне внутреннем, духовном опыте. Собственно, это и есть объект для филолога. Математике здесь поживы мало, а семиотика схватывает лишь общую знаковую природу этой объективации. Далее, собственно, и должен осознать свои задачи филолог» (выдержка из письма Владимира Мусатова от 25-ого октября 1993 года).

Об этой направленности филологической мысли Владимира Мусатова свидетельствует и первая большая глава «Пушкин в эстетическом самоопределении русского символизма» в его монографии «Пушкинская традиция в русской поэзии первой половины XX века». Признавая заслугу русских символистов в том, что они «вывели осмысление Пушкина за исторический и эстетический горизонт XIX века», и этим самым создали новое измерение для осмысления его наследия, однако символисты продолжали видеть в его поэзии воплощение «аполлонического», а не «дионисийского» принципа – в духе собственной эстетической концепции. В то же самое время Владимир Мусатов изящной аргументацией рассеивает наши филологические предубеждения о том, что эстетическое самосознание и поэтическая практика символистов в целом представляет направление «неоромантизма», а поэты-акмеисты являются представителями «неоклассицизма», и этим самым возникновение этого поэтического направления доказывает живучесть пушкинской традиции – как это считали многие крупные литературоведы начала XX века. На этом месте стоит сказать несколько слов о том способе аргументации его тезисов, благодаря которым и творчество отдельных поэтов и целых поэтических направлений вдруг предстает перед нами в совершенно новом освещении. Владимир Мусатов никогда не оспаривает полностью укоренившиеся в литературоведческом сознании представления, и никогда не ведёт открытую полемику с концепцией других литературоведов, посвятивших статьи той же исследовательской теме. Такая полемика была бы чужда его человеческому и филологическому менталитету. Для обоснования собственной

точки зрения Владимир Мусатов очень часто обращается к работам таких авторов, которые в своё время не принадлежали к первой гильдии авторитетных литературоведов и литературных критиков, он часто «докопается» до статей таких полузабытых авторов, находя в них нужную для своей аргументации мысль. И здесь читатель может удивляться невероятной эрудиции автора книги, его начитанности прежде всего в области первоисточников, и той способности систематизации громадного изученного материала, которым он владел.

Об этом изящном методе полемики свидетельствует и глава, посвящённая интерпретации поэмы Блока «Двенадцать» в свете пушкинской традиции. Истолкованию этой поэмы, и особенно расшифровке ее финала «В белом венчике из роз – / Впереди – Исус Христос» было посвящено много статей, написанных видными литературоведами, и русскими и зарубежными. В большинстве случаев и к анализу поэмы в целом, и к её концовке применялись категории карнавализации, и в более широком плане карнавального искусства с апокалиптическими отзвуками. Владимир Мусатов интерпретацию финала поэмы решает иным образом:

*«Неверно видеть в финале «Двенадцати» якобы раздвоенность лирического поэта. Речь должна идти о двойной смысловой перспективе. <...> Обе перспективы – и изнутри хора, и изнутри «голоса из хора» – равноправны и образуют антиномию в целостной драматической структуре. Они, говоря блоковскими же словами, неслиянны и нераздельны. «Хоровое» сознание имеет свои пределы, как имеет его сознание «лирическое». Дополняя друг друга, они образуют тот высочайший уровень драматической объективности, который в русской литературе представлен Пушкиным».*¹⁰

Из монографии Владимира Мусатова «Пушкинская традиция в русской поэзии первой половины XX века» хочется особо выделить пятую главу, озаглавленную цитатой из стихотворения Иннокентия Анненского «Поэту»: «Всегда над нами – власть вещей...». Однако нам представляется важным

¹⁰ Мусатов В.В. Пушкинская традиция в русской поэзии первой половины XX век. С. 81.

выделить эту главу не только потому, что в ней лирика Иннокентия Анненского осмысливается в особо широкой историко-культурной перспективе преемственных связей не только с пушкинской традицией, но и с поэзией Тютчева и Фета, с прозой Чехова, и при этом разъясняется вся система мотивических переключек и расхождений. А прежде всего потому, что именно эта глава позволяет нам глубже всего проникнуть в круг тех культурно-онтологических и экзистенциальных дилемм, которые оказались центральными не только для лирики Анненского, но и для истолкователя его поэзии. Через всю эту главу путеводной нитью проходит мысль о том, что в лирике Анненского, начиная с «Тихих песен» вплоть до складней и трилистников «Кипарисового ларца», лирический субъект постепенно сбрасывает с себя «принцип индивидуации», и, преодолевая границы своего лично-индивидуального «Я», постигает такие формы объективации своих личностных восприятий и переживаний, с помощью которых может транспонировать эти переживания в сферу «надличного» или «сверхличного» сознания. Именно благодаря этой транспозиции, переводу своих переживаний в иное измерение, лирический герой поэзии Анненского может запечатлеть объективные закономерности всеобщего человеческого бытия.

Владимир Мусатов видит внутренний парадокс логики развития творческой системы Анненского в том, что тогда как поэт в начале, безусловно, защищал принцип артистизма и приоритета эстетических критериев в их применении к жизни, его лирический герой постепенно все мучительнее переживает контраст между эстетизированным пейзажем и кошмарной, неутешительной внутренней жизнью человека. Именно поэтому, на взгляд автора книги, в художественной концепции Анненского категория «артистизма» была неразрывно связана с этической категорией «истины», которая, несмотря на то, что не носит нормативный характер в его системе мышления, прежде всего «заявляет себя в человеке через человека».¹¹ Владимир Мусатов видит одну из основных черт художественного

¹¹ Мусатов В.В. Пушкинская традиция в русской поэзии первой половины XX век. С. 194.

мировосприятия Анненского в том, что он остро осознавал действие роковых сил бытия именно в сфере повседневной жизни человека, в сфере его частного существования. Однако исследователь оспаривает тот расхожий взгляд, будто лирический герой Анненского пассивно отдавался действию этих беспощадных закономерностей, и таким образом уходил в состояние «самозабвения». Владимир Мусатов утверждает, что тогда как в «Тихих песнях» еще прослеживается антиномия духовной трезвости и самозабвения, то сборник ««Кипарисовый ларец» <...> был выходом лирики в пространство трагедии, реализацией тех надличных художественных смыслов, того имперсонального пафоса, которые Анненский видел в античной драме»¹², и следовательно, в этом сборнике поэт продолжает проявлять свою поэтическую позицию: «ту же трезвую и бескомпромиссную работу бодрствующего духа».¹³

Нетрудно догадаться по многим анализам стихотворений в этой главе, что автора монографии как ученого филолога мучили те же экзистенциальные и философские дилеммы всеобщего человеческого бытия, которые были запечатлены на языке поэзии в лирике Анненского, и которые способен услышать в стихотворных строках только очень чуткий слух. Как нам представляется, и автору книги не было чуждо чувство экзистенциального ужаса перед лицом беспощадной закономерности вечных трансформаций, превращения устойчивых ценностей в нечто зыбкое и эфемерное, прекрасного в уродливое, любви в отчуждение. И по всей вероятности ему было знакомо и чувство экзистенциального страха перед законом эфемерности нашего человеческого существования, с которым он боролся путем объективации своей жизни в научных трудах. Сейчас, в ретроспективном освещении, в интерпретации стихотворения «То и Это» из «Трилистника кошмарного» слышится исповедальный тон автора истолкования:

«„Это” и „То” – такие же персонифицированные страхи существования, как Ужас, Смерть, Страх, Полночь. В данном случае перед нами табуированные именованья Болезни и Смерти, тех двух реальностей, которые хорошо знакомы

¹² Мусатов В.В. Пушкинская традиция в русской поэзии первой половины XX век. С. 211.

¹³ Мусатов В.В. Пушкинская традиция в русской поэзии первой половины XX век. С. 225.

каждому из нас. Они всегда переживаются очень лично и в то же время – универсальны, всеобщы, даны всем. Так что в стихотворении «То и Это» переживается личный, индивидуальный опыт в такой же мере, что и родовой, всеобщий».¹⁴

Порою даже кажется, что буквально на наших глазах полностью снимается дистанция между интерпретируемым поэтом и его ученым читателем, и формулируются те же экзистенциальные дилеммы, которые в равной мере занимали и волновали Иннокентия Анненского и его истолкователя – Владимира Мусатова:

*«В этом поле надличного сознания преодолевался кошмар одиночества, разрешались наиболее мучительные противоречия индивидуального бытия. В противовес абсурду существования рождалось ощущение единства духовного опыта, чувство круговой моральной поруки».*¹⁵

Отдельные главы монографического труда «Пушкинская традиция в русской поэзии первой половины XX века» в дальнейшем послужили основой для создания новых, самостоятельных монографий. С некоторыми оговорками можно считать, что первые четыре главы монографии «Лирика Осипа Мандельштама» (До «КАМНЯ». 1908-1912; «КАМЕНЬ». 1913-1915; «TRISTIA». 1916-1920; Двадцатые годы. 1921-1925) выросли из определенных глав книги «Пушкинская традиция в русской поэзии первой половины XX века».¹⁶ Но они в новой монографии опубликованы в значительно переработанной форме, и акцент падает уже не на влияние пушкинской традиции, а на освещение тех многосторонних влияний, под воздействием которых формировалась лирическое мировосприятие раннего Мандельштама. А главы пятая и шестая (Новые стихи. 1930-1934; Воронежские тетради. 1935-1937.) являются совершенно новыми, в них можно только опознать следы концепции некоторых

¹⁴ Мусатов В.В. Пушкинская традиция в русской поэзии первой половины XX век. С. 222.

¹⁵ Мусатов В.В. Пушкинская традиция в русской поэзии первой половины XX век. С. 233.

¹⁶ В первом, двухтомном издании 1992 года монографии *Пушкинская традиция в русской поэзии первой половины XX века*, вышедшем в издательстве «Прометей», глава «Лирика Осипа Мандельштама и пушкинская традиция» занимает страницы с 59 по 115 второго тома, а во втором, однотомном издании 1998-ого года, вышедшем в издательстве РГГУ, страницы с 241 по 320.

статьей Владимира Мусатова, которые предварительно были опубликованы в филологических журналах.

Монографию «Лирика Осипа Мандельштама» я получила по почте от Владимира Васильевича в январе 2001 года, и в книгу было вложено письмо. Из этого письма мне хотелось бы процитировать только тот абзац, который может осветить для читателя, какую значимость имела и в личной и в филологической судьбе автора работа над этой книгой:

«Посылаю Вам книжку о Мандельштаме. Надеюсь, она Вас по меньшей мере не разочарует. И еще надеюсь, что я выплатил Осипу Эмильевичу долг, который ощущал всегда как лично свой, но который есть долг всей русской культуры. Однако ж я заплатил только свою часть, ибо не претендую ни на что универсальное и общезначимое в своих суждениях о его поэзии, которая столько лет меня спасала и столько лет была для меня воздухом».

Я прочитала монографию Владимира Васильевича сразу после получения, и уже при первом чтении покорила меня широта историко-культурной панорамы, в контексте которой предстает перед нами формирование поэтической системы Осипа Мандельштама. Вызывала восхищение и глубина анализа тех многосторонних влияний, на перекрестке которых выкристаллизовывались его поэтические взгляды. Впоследствии книга долго ходила по рукам моих аспирантов,¹⁷ её копию я послала в Загреб по просьбе моей коллеги и приятельницы Живы Бенчич. Будучи прекрасным знатоком поэзии Мандельштама, автором многих статей о поэтической структуре его стихотворений, Жива Бенчич тоже с восхищением отзывалась о глубине интерпретации стихотворений Мандельштама и об историософской подоснове концепции книги.

О первых своих впечатлениях сразу же после прочтения книги я написала Владимиру Васильевичу, и писала также о том, что собираюсь

¹⁷ Монография Владимира Мусатова «Лирика Осипа Мандельштама» несомненно, накладывала отпечаток на концепции диссертации одной из самых талантливых моих аспиранток Ксении Голуб. Её диссертация называлась «Поэтика Камня» - «Архитектурность» и «архитектурные образы» в поэзии Осипа Мандельштама (1908-1916)». Статья Ксении Голуб «Гармоническая архитектоника» - анализ стихотворения О.Мандельштама «В разногласии девического хора...», основанная на одной из глав её кандидатской диссертации была опубликована в сборнике «Некалендарный XX век». М.: Издательский центр «Азбуковник», 2011. С. 387-409.

опубликовать рецензию на его книгу о Мандельштаме на страницах венгерского академического журнала *Studia Slavica*. Однако, к сожалению, рука не дотягивалась до пера, я все время откладывала выполнение своего обещания, потому все новые и новые обязанности преподавателя университета полностью поглощали мое время. А первая и пока единственная рецензия вышла в 2002-ом году на страницах «Нового Литературного Обозрения», журнала, который в это время считался самым престижным форумом для публикации литературоведческих и критических статей, а также и «законодателем» читательских вкусов.¹⁸ После ознакомления с этой рецензией, я очень огорчилась, поскольку её резко критический, и порою даже издевательски-злословный тон в такой мере расходился с моим читательским восприятием как филолога, что я даже хотела написать открытое письмо в редакцию журнала, и ради этого обратилась к одному из членов международной редколлегии, с которым была знакома с давних времен, но потом, не желая ещё больше обострять ситуацию, отказалась от своего намерения. В конце ноября 2002 года, будучи проездом в Москве на обратном пути из Томска (где я участвовала на Шпетовских чтениях), я позвонила в Новгород. Я все ещё была настолько встревожена, что даже Владимир Васильевич старался успокоить меня, и просил не придавать этой рецензии такое огромного значения. Но в то же самое время он рассказал, что после появления этой рецензии, некоторые коллеги даже боялись общаться с ним, испугавшись того, что в таком «авторитетном» журнале вышла резкая критика на его монографию о Мандельштаме. В электронном письме, посланном мне в декабре 2002 года, Владимир Васильевич писал следующее:

«Спасибо за добрые слова о Мандельштаме. Судьба книги не зависит от положительных или отрицательных рецензий, а определяется тем, будут ли ее читать. Жаль, что в книге оказались ошибки. Она слишком долго писалась и слишком стремительно издавалась. Поэтому некоторые вещи я просто не

¹⁸ Эта рецензия на книгу «Лирика Осипа Мандельштама» была напечатана в № 53 томе Нового Литературного Обозрения за 2002 год (страницы 412-414) под псевдонимом, обозначаемым инициалами Д.Л. Меня и с тех пор не покидает мысль о том, что эта рецензия сыграла очень пагубную роль не только в филологической, но и в человеческой судьбе Владимира Мусатова, она способствовала изоляции автора книги в филологической среде.

успел исправить. Осталась недописанной седьмая глава – Мандельштам и поэтические системы XX века. Но повремени я с изданием книги, она бы по сегодняшний день так и не вышла бы. О рецензии НЛО говорить не хочу. Это – единственный публичный отзыв на книгу. И к тому же напугавший всех...»

Сейчас, спустя больше 10 лет, на страницах этих воспоминаний я попытаюсь оценить по достоинству монографию Владимира Мусатова «Лирика Осипа Мандельштама». Однако я не смогу взяться за написание рецензии на всю книгу, я хотела бы писать только о том периоде творчества Мандельштама, которым я сама углубленно занималась, и это, прежде всего, ранний период его поэзии, заключающийся книгой «TRISTIA». Характеристика этого раннего периода даётся в первых трех главах книги Владимира Мусатова, поэтому мне хочется остановиться только на них. Побуждают меня к этому не только мучительные угрызения совести, предупреждающие о том, что я окончательно что-то пропустила, и этого нельзя уже восполнить, но и филологическая честь.

По свидетельству предисловия, предпосланного к книге, Владимир Мусатов в своей монографии взялся за почти неразрешимую задачу. Он хотел охватить поэтический мир Мандельштама в его целостности, хотел прощупать пульс биения этого единого целостного поэтического космоса и проследить законы формирования его внутренней логики. В первом подразделе (*Нулевой генезис*) первой главы монографии – *До «КАМНЯ». 1908–1912.* – автор книги прослеживает процесс самоопределения Мандельштамом персонального и культурно-исторического генезиса своего лирического «я». Направление этого процесса Владимир Мусатов видит в постепенном выходе «Из омута злого и вязкого...» к архитектурному оформлению строя собственной души. На взгляд автора в ранней лирике Мандельштама как бы борются между собой два противоположных начала: с одной стороны, стремление к возвращению в состояние тютчевского «родимого хаоса», в состояние «молчания», с другой же стороны, стремление к построению вокруг себя социально-культурной защитной стены, и к архитектонике своего бытия посредством преодоления стадии «немотствования». Владимир Мусатов уже в этом подразделе даёт

широкую историко-культурную характеристику тех поэтических и политических пристрастий, которыми Мандельштам был увлечен в этот ранний период творческого самоопределения. В контексте такой же широкой характеристики освещаются причины неприятия русскими символистами – среди них З. Гиппиус, В. Брюсовым, А. Блоком – первых поэтических шагов Мандельштама. Для интерпретации ранних стихотворений Мандельштама автор книги приводит богатый материал цитат из более поздних прозаических – как критических, так и культурно-философских – произведений поэта, и посредством этого «подсобного материала» стремится восстановить развитие художественного мышления поэта в его целостности.

Следует остановиться и на вопросе о методологии интерпретации стихотворений Мандельштама, применяемой на страницах книги Владимира Мусатова. Многие из интерпретируемых им стихотворений уже были проанализированы в трудах первого поколения мандельштамоведов, и эти интерпретации были проведены, прежде всего, в духе структурально-семиотического метода. В ранних работах таких выдающихся исследователей поэзии Мандельштама, как Ю.И. Левин, Д.М. Сегал, Омри Ронен, Лена Силард, написанных в период 1970–1980-х годов, была подвержена анализу, прежде всего, смысловая и мотивная структура стихотворений в свете семантической поэтики. Владимир Мусатов придерживается иных методологических принципов анализа, для него и при анализе стихов основную задачу составляет выявление тех культурно-генетических корней, из которых выросла ранняя поэзия Мандельштама. Во втором подразделе, интерпретируя стихотворение «Дано мне тело – что мне делать с ним...», автор книги устанавливает:

«Сознание эфемерности собственного существования в масштабах «вечности» у Мандельштама имело отчетливый тютчевский подтекст. <...> Центром тютчевской лирики было рефлектирующее «я», обобщенное до универсальных черт человека вообще. Тогда как у Мандельштама это «я» – миниатюрное, инфантильное («тростинка», а не «тростник»), но переживающее

вполне «взрослые», философские страхи. Это сочетание метафизической проблематики с «детским» восприятием мира в ранних стихах Мандельштама проявлено до структурной чёткости»¹⁹

Владимир Мусатов шаг за шагом восстанавливает те поэтические и философские системы, под влиянием которых формировалось стилевое своеобразие поэтического языка Мандельштама. Автор книги стремится в своей возможной полноте восстановить атмосферу той историко-культурной ситуации начала XX века, в которой поэтический стиль Мандельштама оказался под воздействием разнонаправленных влияний. Ради создания атмосферы эпохи он обильно цитирует выдержки из воспоминаний современников, из критических откликов на первые сборники поэта, и вообще из тех документальных источников, которые способны дать ощутить читателям колорит и привкус данной эпохи.

Автор книги выделяет два определяющих влияния, под знаком которых формировалась ранняя поэтика Мандельштама – это влияние эстетической теории Вячеслава Иванова (*Две перспективы*), и влияние Иннокентия Анненского (*Ассоциативный символизм*). При этом автор книги отмечает, что начинающий поэт входил в круг поэтов «башни» Вячеслава Иванова именно в том 1909-ом году, когда уже назревал кризис эстетической доктрины символизма, и уже сформировалась оппозиция этого круга на страницах журнала «Аполлон». На взгляд Владимира Мусатова, в эстетической концепции Вячеслава Иванова для раннего Мандельштама оказались определяющими два момента: с одной стороны, идея дионисийского характера творческого процесса, рождение слова из музыкальных глубин души, с другой стороны, идея искусства как процесса восхождения от сферы реального мира к сфере реальнейшего мира. На примере интерпретации стихотворения «В холодных переливах лир...» и близких к нему по мотивной структуре стихотворений автор книги доказывает, что «именно у Вячеслава Иванова Мандельштам вычитывал идею строя, объединяющего небесную и земную

¹⁹ Мусатов В. Лирика Осипа Мандельштама. Киев: «Ника-Центр», 2000. С. 26-27.

архитектуру». В то же самое время автор книги считает важным определять и те моменты, которые коренным образом отличались в художественном мировосприятии Вячеслава Иванова и Осипа Мандельштама:

*«Коллизия ранних мандельштамовских стихов Вячеславу Иванову была в принципе чужда. Он учил, что в подлинно дионисийском и соборном типе творчества «психологизм мятущейся идеальности» должен раствориться в «логизме вселенской идеи», тогда как у Мандельштама «психологизм» и «логизм» вступали в конфликт. В плане метафизическом личность выявляла черты страдательной «телесности», хрупкой «растительности», в плане религиозном – обнаруживала собственную неукорененность, онтологическую беспочвенность».*²⁰

Считая в равной мере определяющими и влияние Вячеслава Иванова и влияние Иннокентия Анненского на формирование поэтических взглядов Мандельштама, Владимир Мусатов в то же самое время указывает на то существенное различие, которое обнаруживается в их концепции о возможностях воскрешения древних мифов в культуре начала XX века. Автор книги видит это различие прежде всего в том, что тогда как у Вячеслава Иванова концепция мифотворчества носила характер религиозно-философской утопии, то у Анненского мифотворческая практика относилась лишь к сфере поэтического языка. Владимир Мусатов приводит концепцию Анненского, развернутую им в статье «О современном лиризме», где отмечается, насколько различную роль играли мифологические представления в древности и в современности. Тогда как мифопоэтический язык в древние времена носил общенародный характер, и поэтому был доступным для всех, в современности этот язык носит эзотерический характер, и поэтому доступен лишь узкому кругу избранных и посвящённых. Кроме цитат из статьи-некролога Вячеслава Иванова по случаю преждевременной смерти Иннокентия Анненского, опубликованного в журнале «Аполлон», автор книги воспроизводит и концепцию лекции Вячеслава Иванова, прочитанной им в «Обществе ревнителей художественного слова». В этой лекции самым

²⁰ Мусатов В. Лирика Осипа Мандельштама. С. 50.

существенным моментом Владимир Мусатов считает сближение поэтической техники Стефана Малларме и Иннокентия Анненского:

*«Но сближение имени Малларме и Анненского было совершенно закономерным. Поэтическая эстетика Малларме основывалась прежде всего на принципе суггестии, т.е. на отказе от прямого называния предметной реальности и поиске выражения ее внутренней глубинной сущности путем внушения. <...> Развивая ассоциативные возможности поэтического слова (а здесь для него во многом решающим был опыт Тютчева и Фета), Анненский апеллировал к читательской способности «вторичного синтеза». Говоря по-иному, стихотворение возбуждало в читателе аналогичное собственное переживание, и, таким образом, поэзия открывала надличное поле сознания, в котором происходила встреча индивидуумов изнутри их общего опыта».*²¹

На взгляд автора монографии, для поэтики Мандельштама оказался решающим этот момент отказа от прямого называния реалий предметного мира (чему свидетельство и интерпретация стихотворения «Silentium»), однако его поэтическая система еще нуждалась в некоем универсальном связующем начале для воссоединения психологического опыта отдельных «я». Этот «конструктивный принцип» на первом этапе поэтического самоопределения Мандельштам нашел именно в поэтике Иннокентия Анненского. Таким образом, согласно концепции Владимира Мусатова, ранняя «доакмеистическая» поэтика Мандельштама сформировалась на перекрестке двух влияний – эстетической и философской системы Вячеслава Иванова, и поэта, хронологически принадлежащего к символистам, но своими мировоззренческими и поэтическими представлениями оказавшего решающее влияние на целое поколение поэтов постсимволистской формации. На примере интерпретации стихотворения «Раковина» Владимир Мусатов устанавливает:

«Если до сих пор на одном полюсе семантического строя мандельштамовских стихов оказывалась холодная, жестокая, хотя и притягательная гармония астрального неба («гармония высоких чисел»), а на

²¹ Мусатов В. Лирика Осипа Мандельштама. С. 62-63.

другом – трепетная дрожь одинокого существования, то здесь торжествует идея связи, глубинного родства личности и мира. Здесь микрокосм человеческого «я» ощущает свое внутреннее родство с макрокосмом мироздания через ассоциативные сцепления («correspondances»)).²²

Вторая глава книги называется «КАМЕНЬ». 1913-1915, состоящая из трех подразделов, первый из которых посвящён «Проблеме акмеизма», ибо Владимир Мусатов считает, что «без понимания сущности акмеизма разговор о творчестве Мандельштама «акмеистического» периода представить себе невозможно».²³ Сущность отказа акмеистов от символистской традиции автор книги – в отличие от концепции статьи Виктора Жирмунского «Преодолевшие символизм» (1916) – видит главным образом не в сфере мировоззрения, а в сфере конкретной поэтической практики, т.е. в сфере решения «словесных задач». Этим самым Владимир Мусатов на самом деле близко подходит к концепции Бориса Эйхенбаума, считающего в своей работе «Анна Ахматова. Опыт анализа» (1923), что акмеисты отказались от символистской практики использования «экстенсивной энергии слова», т. е. собственно от метафорического принципа, и перешли к использованию «интенсивной энергии слова», т.е. собственно метонимическому принципу, где два сопоставляемых ряда значений не сливаются, а лишь соприкасаются. Автор книги на самом деле во многих отношениях разделяет концепцию Бориса Эйхенбаума, считающего, что истинными «преодолевшими» символизм были не акмеисты, а футуристы, поскольку акмеизм не выходил за пределы модернизма, а всего лишь описывая круг развития, вернулся к эстетической программе первого, старшего поколения русских символистов, утверждающих автономность чисто словесных задач искусства. Эту автономию акмеисты не желали принести в жертву на алтарь религиозно-философских целей. На материале воспоминаний современников Владимир Мусатов доказывает, что многие из современников, считая акмеистов «пассеистам», часто сопоставляли их с «ретроспективными

²² Мусатов В. Лирика Осипа Мандельштама. С. 68.

²³ Мусатов В. Лирика Осипа Мандельштама. С. 77.

мечтателями» художников «Мира искусства», несмотря на то, что ни Мандельштам, ни Ахматова, ни Гумилёв таковыми не были.

В подразделе «Три измерения пространства», цитируя слова Мандельштама из программной статьи «Утро акмеизма», автор книги выбирает для интерпретации, прежде всего, такие фрагменты стихов или целые стихотворения, в которых, несмотря на кажущийся этюдный характер зарисовки интимных интерьеров или пейзажных картин, благодаря «конструктивному» характеру построения сложных, многоярусных метафорических образов, границы этих якобы импрессионистических зарисовок размыкаются вплоть до большого мира, граничащего с вечностью. Интерпретацию стихотворения «Медлительнее снежный улей...» Владимир Мусатов подытоживает таким образом:

*«В процитированном стихотворении хорошо видно, как в результате неожиданных ассоциативных ходов возникают не мотивированные внешние стрекозы. Так рождается конструктивная параллель: там – в ледяных узорах замерзшего окна «струится вечности мороз», здесь – в складках бирюзовой ткани рождается лето. <...> То, что обычно называют «предметностью» или «вещностью» раннего Мандельштама, предстает как организованная материальная среда».*²⁴

Владимир Мусатов считает, что именно эта «организованная материальная среда» призвана в ранних стихотворениях Мандельштама образовать ту защитную стену, которая способна противостоять угрожающей пропасти «вечности» и холоду космических миров. Здесь должно быть отмечено, что из этого раннего периода поэзии Мандельштама автор книги выбирает для интерпретации и для аргументации своих предположений такие стихотворения, которые сравнительно редко становились предметом анализа в работах других мандельштамоведов, как например «Казино», «Египтянин», «Американ бар». В поэтическом мировосприятии раннего Мандельштама автор книги подчеркивает значимость двойного влияния: с одной стороны, уже не раз отмеченное им влияние Тютчева, с другой стороны, влияние философии Бергсона, лекции которого

²⁴ Мусатов В. Лирика Осипа Мандельштама. С. 89.

Мандельштам слушал в Сорбонне. На влияние Бергсона на Мандельштама уже не раз указывалось в специальной литературе, однако оригинальность интерпретации Владимира Мусатова заключается в том, что он подчеркивает синтетическое воздействие этих двух влияний:

«В этой коллизии оцутим тютчевский подтекст «двойного бытия», – то есть тема «ночи» – сквозящий сквозь все проявления «дневной» жизни. <...> В его ранней лирике тютчевский день – это, в сущности, аналог бергсоновского «élan vital», той живой, структурно организованной реальности, которая противостоит ночи и небытию. <...> Его «акмеизм» начинается с осознанного предпочтения творчески организованной материальной среды с ее «тремя измерениями»²⁵

Владимир Мусатов предполагает, что именно вслед за Бергсоном Мандельштам воспринимал творческие потенции, лежащие в основе самой жизни «как формообразующее воздействие духа на материю». А в конкретной поэтической практике для выражения этого динамического формообразующего принципа послужила мифологема *камня*, мифологема же *камня* в свою очередь в поэтическом сознании Мандельштама органически связывалась с реальным, исторически сложившимся стилем – *готикой*. Именно в идее архитектуры и в принципе архитектурности обрел Мандельштам успокоение от космического холода – чувство «домашнего очага». Однако, как отмечает автор книги на материале интерпретации стихотворения «Notre Dame», для Мандельштама даже в монументальном здании готического храма «измерительной единицей» остается человек, и этим самым он как бы предвещает концепцию своей более поздней статьи «Гуманизм и современность», где утверждается, что новая «социальная архитектура», которую предстоит построить в будущем, должна быть измеряема «масштабом человека». А на основе интерпретации таких стихотворений как «Бах» и «Ода Бетховену», Владимир Мусатов устанавливает следующую закономерность:

²⁵ Мусатов В. Лирика Осипа Мандельштама. С. 91-92.

*«Для Мандельштама 10-х годов полемика с символизмом не отменяла установку на синтетизм. Символистские интегрирующие мифологемы им не отбрасывались, а переосмыслились. <...> Мандельштам, делая именно архитектуру центральной художественно-философской категорией, отнюдь не отбрасывал «музыку», выявляя ее внутреннюю «архитектурность»».*²⁶

Третий подраздел этой же главы, посвящённой книге «Камень», носит название «Римская идея». Владимир Мусатов подчеркивает, что в отличие от первого издания 1913 года, в новом издании книги «Камень» 1916 года метафизический аспект архитектурного принципа уступает место историософскому аспекту. На взгляд автора монографии, именно в духе этого историософского подхода символика «камня» становится выражением европейского универсализма, носителем которого в поэтическом сознании Мандельштама становится католический мир с Римом в центре. Основным толчком к выбору «христианской истории как родины», на взгляд Владимира Мусатова, послужило творчество Чаадаева,²⁷ поэтому статью Мандельштама «Пётр Чаадаев» (1914) справедливо можно считать манифестом второго издания сборника «Камень». Через всю эту главу проходит мысль о том, что архитектурная идея в равной степени продолжает служить для поэта принципом целесообразного построения как природного мира, так и собственной лирической личности:

*«Природа в его стихах связывалась в единое целое архитектурной идеей Рима, становясь вместилищем истории и культуры. <...> Римский купол и римская латынь выступают как символы духовной организации природного, материального мира. <...> Если центром европейской истории и культуры сознавался Рим, то аналогом в России для Мандельштама был Санкт-Петербург – город святого Петра».*²⁸

При интерпретации таких стихотворений как «Природа – тот же Рим...», а также и таких стихотворений, как «Европа», «Реймс и Кёльн», откликающихся

²⁶ Мусатов В. Лирика Осипа Мандельштама. С. 106.

²⁷ По предположению Владимира Мусатова, знакомство с двухтомным изданием произведений П.Я.Чаадаева, вышедшим в 1913–1914 гг. под редакцией М.О.Гершензона, сыграло решающую роль в трансформации историософских взглядов Мандельштама.

²⁸ Мусатов В. Лирика Осипа Мандельштама. С. 112-113.

на войну 1914 года, Владимир Мусатов последовательно проводит мысль о том, что готическое зодчество даже в этих стихотворениях не перестает символизировать для Мандельштама идею общеевропейского единства, и что «латинская» и «славянская» идеи постепенно обретают общий знаменатель. Однако, как это доказано автором монографии, именно не в последнюю очередь под влиянием военных событий происходит смена культурной ориентации в поэтическом мировоззрении Мандельштама, он постепенно отмежевывается от образа «гармонически просветленного римского мира», и этим самым и от «имперской идеи», как в римском, так и в петербургском своём воплощении.

В итоге этой смены культурной ориентации лирический субъект поэзии Мандельштама начинает идентифицироваться с образом Овидия, изгнанного из Рима, и нашедшего приют на берегу Средиземного моря. С этого момента поэзию Мандельштама заселяют бытовые и культурные реалии Эллады, того нового универсального культурного символа, мир которого воплощается в книге «*TRISTIA*» (1916–1920). Этому сборнику стихов посвящена третья глава монографии.

По замечанию Владимира Мусатова, в заключительном стихотворении книги «*КАМЕНЬ*» 1916 года «Я опоздал на празднество Расина...», не случайно возникала тема безумной Федры, пораженной безумием любовной страсти, поскольку книга «*TRISTIA*» открывалась этой же темой в стихотворении «Как этих покрывал и этого убора...», несмотря на то, что в интерпретации темы произошли существенные изменения. Именно в стихах о Федре автор книги опознает возникновение одного из ключевых сквозных метафорических образов поэзии Мандельштама, образа «черного солнца». Однако Владимир Мусатов не довольствуется этой констатацией, он считает нужным воссоздание тех контекстуальных фонов, в свете которых может осмысляться генезис этого мотива. Один из них снова узнается у Анненского, в его статье «Трагедия Ипполита и Федры», вошедшей в первый том «Театра Еврипида» (1909), а другой – уже в статье самого Мандельштама «Скрябин и христианство», где образ Федры

осмысливался как символ России, втянутой в безумие мировой войны. А образ Федры на взгляд Владимира Мусатова способствовал появлению еще одного центрального концепта в поэтическом и историософском мышлении Мандельштама:

«В стихах о Федре и докладе о Скрябине Мандельштам нашел символ, который будет в значительной мере определять все его дальнейшее творчество – обратное время. Христианский мир, который еще совсем недавно представлялся ему единым культурным космосом, вдруг двинулся в хаос и ночь, оказавшись во власти сил распада. <...> Стоит задуматься, почему символом обратного времени для Мандельштама стала музыка Скрябина. Читая текст мандельштамовского эссе, невольно испытываешь чувство, что он ведет спор с кем-то еще, кто «заигрывая» с музыкой, требует непременно «хора» и пренебрегает «мыслящим тростником» – личностью. Адресатом полемики, безусловно, был Вячеслав Иванов»²⁹

Согласно концепции автора книги Мандельштам исходил из мысли Вячеслава Иванова о том, что музыка Скрябина пронизана духом катастрофизма, и, видя в Скрябине «безумствующего эллина», он осмысливал это безумие в контексте собственных стихов о Федре. Поскольку Мандельштам в идее катастрофы как способа обновления природного и исторического мира видел угрозу бытию всей европейской культуры, впоследствии он и музыку начал воспринимать в ее двойственной природе, таящей в себе и созидающие и разрушающие, демонические силы.

Второй подраздел, озаглавленный «О, этот воздух, смутой пьяный..!» полностью посвящен «трём встречам» Мандельштама с Мариной Цветаевой, и той роли, которую эти встречи играли впоследствии в изменении культурной ориентации в его стихотворениях. Владимир Мусатов, согласно процитированному пассажиру из воспоминаний Надежды Яковлевны Мандельштам, утверждает, что дружба с Мариной Цветаевой составляла мост, «по которому он перешел из одного периода в другой». Этот переход состоял в том, что тяготение Мандельштама к

²⁹ Мусатов В. Лирика Осипа Мандельштама. С. 136-137.

петербургскому периоду русской культуры и к духу римского католичества сменилось возвращением к допетровскому периоду русской культуры, к временам периода Смуты, где снова раскрылись пасти зияющего хаоса. Автор книги, таким образом, подытоживает сущность этих мировоззренческих трансформаций:

«Зимой-весной 1916 года Мандельштам остро ощутил, насколько зыбок фундамент «архитектуры» петербургского периода русской истории. Под ним оказывалась не твёрдая историческая почва, а нечто колеблющееся, неустойчивое, шаткое.

Надвигающийся хаос уничтожал прежде всего идею единой христианской культуры и истории или, как позже будет сказано в статье «Пшеница человеческая», идею «европеизма как нашей большой народности»³⁰

По утверждению Владимира Мусатова, если в таких стихотворениях, как «В разноголосице девического хора...» любовная коллизия ещё находит своё гармоническое разрешение в рамках архитектурной темы, то в таких стихотворениях, как «На розвальнях, уложенных соломой...» уже звучат трагические и пророческие ноты не только относительно их личных взаимоотношений, но и относительно судеб будущей русской культуры. Интерпретируя мотивические переключки между стихотворными посланиями двух поэтов, автор книги приходит к следующему выводу:

«Стихи Цветаевой к Мандельштаму и стихи Мандельштама к Цветаевой имели противоположную направленность при несомненном родстве мотивов. Там, где Цветаева венчала своего «странного и прекрасного» брата, Мандельштам провидел свой позор – розвальни, связанные руки, проезд по Москве «без шапки». <...> Если у Цветаевой часовня называлась «приютом от зол», то у Мандельштама возникал прямо противоположный мотив: «И теплятся в часовне три свечи». Три свечи, как известно, зажигаются в изголовье покойника».³¹

³⁰ Мусатов В. Лирика Осипа Мандельштама. С. 152.

³¹ Мусатов В. Лирика Осипа Мандельштама. С. 148.

По предположению Владимира Мусатова, историю «трёх встреч» (в Коктебеле, Петербурге и Москве) Мандельштам сознательно соотносит с мифологемой «Москва – третий Рим», а в строке «И никогда он Рима не любил», он видит скрытый отказ от римской имперской идеи. На материале же интерпретации стихотворения «Всё чуждо нам в столице непотребной» автор книги утверждает, что несмотря на то, что «московская тема» именно с этого периода входит в поэзию Мандельштама, поэт все же даже живя уже в Москве, не может смириться с «женским», «бабьим» обликом города. А на основе интерпретации концовки стихотворения «Не веря воскресенья чуду...» он доказывает, что по сравнению со стихотворением «В разногласии девического хора...» и образ Марины Цветаевой претерпевает существенные трансформации, этот образ теряет свои реальные контуры и превращается в некое туманное существо без имени, «туманную монашенку», которая имеет только звуковую оболочку. Как нам представляется, именно в этом подразделе – подводя итоги поэтического диалога между Мандельштамом и Цветаевой, Владимир Мусатов делает одно из самых существенных замечаний относительно сопоставительной характеристики двух книг:

««Tristia» бросает обратный свет на стихи «Камня», окончательно выявляя их квазипредметность, квазитрехмерность. В рецензии на «Сестру мою – жизнь» Бориса Пастернака Мандельштам напишет: «Так, размахивая руками, бормоча, плетется поэзия, пошатываясь, головокружа, блаженно очумелая и все-таки единственная трезвая, единственная проснувшаяся из всего, что есть в мире». <...> Эта блестящая метонимия была точной характеристикой собственного творчества, сомнамбулизм которого соперничал в трезвости с любым, самым точным постижением реальности.

*Мир «Tristia» складывался как реакция на действительность, стремительно утрачивающую устойчивость социальных и культурных форм».*³²

³² Мусатов В. Лирика Осипа Мандельштама. С. 156.

Заглавие третьего подраздела «Эта ночь непоправима...» является первой строкой стихотворения, которое первоначально носило название «На смерть матери». Согласно интерпретации этого стихотворения автором книги, смерть матери и иудейский обряд отпевания в синагоге вызывало в Мандельштаме сложное, амбивалентное ощущение. С одной стороны, глубокое осознание своих иудейских корней, с другой стороны, такую же глубокую сопричастность к традиции христианской культуры. На взгляд Владимира Мусатова именно это амбивалентно-антитетическое ощущение появляется на уровне символической образности в двойном образе «жёлтого солнца» иудаизма, и «чёрного солнца», символизирующего «смертельный кризис христианской культуры». Автор книги учитывает все возможные контексты возникновения этих двух, часто переплетающихся символов, однако он утверждает, что историософский смысл стихотворения «На смерть матери» может быть полностью раскрыт только на фоне интерпретации стихотворения «Среди священников левитом молодым», которое первоначально носило название «Иудеям».

В уважительном тоне полемизируя с тем пассажем из Второй книги воспоминаний Надежды Яковлевны Мандельштам, где она предполагает, что погибающий Петербург смог вызвать в памяти Мандельштама гибель Иерусалима, и таким образом можно отождествлять судьбу двух городов, Владимир Мусатов утверждает, что в тексте стихотворения нет таких параллелей, поскольку в нем полностью отсутствуют петербургские реалии. В ходе интерпретации стихотворения «Среди священников левитом молодым» автор книги иногда приходит и к таким порою неожиданным выводам, которые в читателе-филологе могут вызвать сомнения, однако нельзя оспаривать справедливость того вывода, что в этом стихотворении Мандельштам отвергает все возможные виды мессианизма, как в иудейском, так и в российском его проявлении, а также нельзя не согласиться с тем конечным итогом, которым он заключает интерпретацию стихотворения:

«Некогда в «Камне» Мандельштам решительно исключил всё, что было связано с собственными иудейскими корнями как нечто провинциальное, с

*одной стороны, и осложнявшее его взаимоотношение с христианской культурой – с другой. Римско-католический универсализм снял для него проблему «родства и происхождения»: «Я в Риме родился». Теперь в мандельштамовскую лирику снова входили родовые страхи, и иудейское в себе он ощущал как источник мощной провиденциальной тревоги».*³³

Однако Владимир Мусатов считает важным ещё раз воссоздать для читателя мир петербургской культуры посредством анализа двойчатки «Соломинка», адресатом которой является Саломея Николаевна Андронникова, чей образ запечатлен на полотнах многих художников начала XX века. Однако интерпретируя эту двойчатку, исследователь справедливо замечает, что в этих стихотворениях не запечатлен реальный образ «красавицы 13 года», его заменяет «чудесный звук», или «внешняя форма слова» в терминологическом обиходе теории словесности А. Потебни. По поводу анализа этих двух стихотворений, автор книги делает небольшой лингвофилософский экскурс, в рамках которого проводит сопоставительный анализ основных представлений лингвофилософских идей Потебни, с аналогичными мыслями Осипа Мандельштама о взаимоотношении «звукового представления» и «значимости» слова, изложенными им в статье «О природе слова». А впоследствии мы лишний раз можем убедиться на страницах монографии в том, к каким неожиданным открытиям приводит тщательное раскрытие историко-культурного контекста и ассоциативного поля какого-либо определенного мотива. В данном случае такими мотивами являются имя Саломея и связанная с нею тема смерти, ассоциативную связь которых с другими произведениями эпохи Владимир Мусатов прослеживает от пьесы Велимира Хлебникова «Ошибка смерти», через «Саломею» Оскара Уайльда (постановка которой была задумана в театре Веры Комиссаржевской в 1908-ом году), вплоть до одноактной оперы Рихарда Штрауса «Саломея», на представлении которой Мандельштам присутствовал в Париже в том же 1908-ом году.

³³ Мусатов . Лирика Осипа Мандельштама. С. 165.

При раскрытии такого широкого контекста исследователь, однако, не упускает из виду, какие существенные трансформации претерпевает в поэзии Мандельштама женский образ, и в более широком смысле интерпретация женского начала. Если от образа «безумной Федры» вёл путь к перевоплощению, к «Соломинке» как к страдательному женскому началу, то следовало совершиться еще одной трансформации в другую сторону перевоплощения:

*«Соломинка, выступая как знак хрупкости и ломкости материала, из которого сделан человек, провоцировала поиск слова, которое должно было стать символом обретения воли к существованию. Так реализовывался сюжет переименования Саломеи-Соломинки в Лигейю, где безвольная женская податливость преобразовывалась в мужскую волю».*³⁴

Четвёртый подраздел этой главы носит название «Поворот руля», и, как это известно, этот оборот взят из стихотворения «Прославим, братья, сумерки свободы...». В этом подразделе вопрос ставится о том, как Мандельштам откликался на события 1917 года, на революционный переворот. Автор книги и здесь обрисовывает те исторические обстоятельства, на фоне которых возникали данные стихотворения. Тогда как стихотворение «На страшной высоте блуждающий огонь...», написанное в марте 1918 года, запечатлевшее трагический конец петербургского периода русской истории, возникло еще в Петрограде на фоне немецкого наступления на город, стихотворение «Прославим, братья, сумерки свободы...» было написано уже после переезда Мандельштама в Москву, где он временно был сотрудником Отдела реформы школы Наркомпроса.

Интерпретируя стихотворение «Прославим, братья, сумерки свободы...», Владимир Мусатов придерживается того мнения, что в поэзии Мандельштама гражданскую и историософскую позицию нельзя ни разделять, ни противопоставлять друг другу, поскольку они в его стихотворениях появляются в сложном взаимодействии. В этом, гражданском по своей тональности стихотворении, на взгляд исследователя революция осмысливается как акт

³⁴ Мусатов В. Лирика Осипа Мандельштама. С. 171.

коллективного выбора, и в то же самое время и как начало, которое может привести к новому историческому периоду, который обещает впоследствии восход солнца среди нынешних исторических сумерек:

*«Народ осмысливается как главный «судия» в исторических распрях революционной эпохи, и именно в этом заключались элементы «революционности» и «разночинства» автора «Tristia». <...> «Бремя власти» несмотря на свой «невыносимый гнет», мыслилось не ярмом, уготованным народу политическим насильником, а веригами, добровольно возлагаемыми на себя «Народным вождем»... <...> «Мужжи» – такая же идеальная возможность объединения всех находящихся на «корабле», как «народный вождь» – идеальная возможность рождения власти, сознающей свою ответственность перед народом».*³⁵

Однако упования Мандельштама на ответственность новой власти перед народом не оправдались, поэтому он совершил несколько «побегов» из Москвы, сначала в Харьков и Киев, а потом оттуда снова в Крым. Эти «побеги» Мандельштама в Крым Владимир Мусатов оценивает как попытку поэта дистанцироваться от политики и освободиться от страха перед обступающим мраком, облакающим мир современности. На взгляд исследователя, Мандельштам хотел создать из крымского материала некий более «реальный» мир, чем постепенно теряющий свои устойчивые основы и очертания полуфантастический мир современности. В реалиях крымского мира для Мандельштама воплощался дух эллинизма и эллинской культуры в ее первоначальном смысле. Интерпретируя один из центральных стихов крымско-эллинского цикла, стихотворение «Золотистого меда струя из бутылки текла...» автор книги устанавливает, что в этом стихотворении акцент падает на покой и тишину греческого дома и на торжественно-медленные обряды виноделия и ткачества именно потому, что в его строках просвечивает первоначальный смысл культуры как «возделывания» земли, ее обработки ради повышения плодородия и ее «жизненной полноты». Анализируя строки «В каменистой Тавриде наука Эллады, – и вот / Золотых десятин

³⁵ Мусатов В. Лирика Осипа Мандельштама. С. 182-183.

благородные, ржавые грядки», Владимир Мусатов напоминает читателю о том, что мотив «ржавчины» постепенно трансформируется в показатель эллинского духа, тогда как в 1915-ом году этот же мотив был ещё приметой «римской идеи». Нам остается только удивляться глубокой эрудированности автора книги, когда он обнаруживает созвучия между историософской концепцией Осипа Мандельштама, воплощенной в крымско-эллинических стихах и в его статье «Пшеница человеческая», и концепцией книги Сергея Булгакова «Философия хозяйства», вышедшей в печати в 1912-ом году. Владимир Мусатов говорит не о влиянии, ведь трудно было бы доказать, что Мандельштам был знаком с книгой Сергея Булгакова, а именно о созвучиях в плане историософского мышления. Как правило автор книги «Философия хозяйства» видит в принципе «экономизма» и в более общем плане в самой экономической деятельности такие начала, которые способны одухотворять окружающий материальный мир. В созвучии с этим, Осип Мандельштам в статье «Пшеница человеческая» (1923) благословляет экономику с ее пафосом «всемирной домашности», и противопоставляет ее политической жизни, которая вызывает исторические катастрофы, поскольку она «катастрофична по существу».

Читая эти рассуждения автора книги об оценке роли экономики в книге Сергея Булгакова и в статье Осипа Мандельштама, нам невольно вспоминаются цитированные в начале этих воспоминаний слова Владимира Мусатова из его декабрьского письма 2002 года, и постепенно проясняется для нас их смысл. Хочется напомнить, что в этом письме Владимир Васильевич подчеркивал, какую большую роль играла для него книга Карла Поланьи «Великая трансформация» в понимании причин возникновения русского символизма. Если мы учитываем, что Карл Поланьи был ученым очень широкого кругозора и последовательным приверженцем антропологического принципа в области экономических учений – он тоже считал в экономике «измерительной единицей» человека – тогда нельзя удивляться, что его теория оказала значительное влияние на взгляды Владимира Васильевича. Если еще добавим, что научную деятельность Карла Поланьи нельзя втиснуть в пределы одной определенной дисциплины, поскольку она охватывает области от политической и социальной философии, истории экономики, включая и

экономику архаических периодов развития общества, до историософии и этики – и эти последние дисциплины очень близки и мышлению Владимира Мусатова. При всем этом Карл Поланьи был еще радикальным критиком экономической системы капитализма, не перестававшим верить в возможность «гуманизации» жестких законов технической цивилизации.

И после того, как экскурс о влиянии книги Карла Полани «Великая трансформация» возвратил нас к началу этих воспоминаний, заглавие пятого подраздела «Вечное возвращение» главы, посвященной книге «Tristia», может нами восприниматься в его исходном значении, происходящем из Ветхого Завета и ставшем впоследствии крылатой фразой в русском языке – «*всё возвращáется на крúги своя́*». Ибо как утверждает автор монографии о лирике Мандельштама, в крымско-эллинских стихах и время воспринимается поэтом прежде всего, как повтор, как повторяемость, и если и сохраняется роль музыкального ритма, то это прежде всего ритм истории и историко-культурной памяти. И хочется эти воспоминания закончить тем выводом, к которому приходит автор книги на основе интерпретации стихотворения «Tristia», начинающегося строкой «Я изучил науку расставания...»:

«Семантические ходы стихотворения создают ахронный образ обряда оплакивания или так называемого обряда перехода. Действительность в этом стихотворении на самом деле переходит, ибо дана под знаком прощания с тем, что было, и гадания о том, что случится. Единственный «предмет» здесь – время в его иррациональной, превосходящей «всякое понятие» сущности.

Не случайно центральную роль в этом стихотворении играет обостренная интуиция времени, символизированная женскими мотивами и образами. <...> Таким образом, память о прошлом здесь тесно связана с гаданием о будущем, ибо время воспринимается прежде всего как повтор. <...>

*С одной стороны, будущее выглядело тревожно-неопределенным, гадательным, но с другой – возникала уверенность в том, что старые формы и ценности должны повториться в новом качестве».*³⁶

³⁶ Мусатов В. Лирика Осипа Мандельштама. С. 193-194.

Указатель трудов

Диссертации

1978

1. Проблема художественных традиций в современной лирической поэзии 50-х – начала 70-х гг. : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Л. : ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1978. – 24 с.

1992

2. Пушкинская традиция в русской поэзии XX в. : автореф. дис. в виде опубл. моногр. ... д-ра филол. наук. – М. : МПГУ им. В. И. Ленина, 1992. – 42 с.

Монографии

1980

3. Художественные традиции в современной поэзии : учеб. пособие. – Иваново : ИвГУ, 1980. – 88 с. – Библиогр.: с. 87.

1991

4. Пушкинская традиция в русской поэзии первой половины XX в. : (А. Блок, С. Есенин, В. Маяковский) / [МГПИ им. В. И. Ленина]. – М. : Прометей, 1991. – 188 с. – Библиогр. в примеч.: с. 169-186.

1992

5. Пушкинская традиция в русской поэзии первой половины XX века. От Анненского до Пастернака : монография / [НГПИ]. – М. : Прометей, 1992. – 220 с. – Библиогр. в примеч.: с. 203-219.

1998

6. Пушкинская традиция в русской поэзии первой половины XX века. – М. : Изд-во РГГУ, 1998. – 483 с. : ил.

2000

7. Лекции по русской литературе XX века. – Таллинн : Объединение учителей русских школ, 2000. – 122 [3] с. : ил.
8. Лирика Осипа Мандельштама. – Киев : Ника-Центр : Эльга-Н, 2000. – 558 с. – Примеч.: с. 545-548 ; Указ.: с. 549-557.

2001

9. История русской литературы первой половины XX века (советский период) : учеб. пособие. – М. : Academia : Высш. шк., 2001. – 310 с. – Библиогр.: с. 300-301.

2002

10. История русской поэзии : «Серебряный век» : лекционное прил. к мультимедийному курсу / Т. В. Игошева, В. В. Мусатов, Г. В. Петрова – Великий Новгород, 2002. – 148 с. – (Малотиражное изд., хранящееся в каб. лит. при каф. рус. и заруб. лит. филол. фак. НовГУ).

2007

11. «В то время я гостила на земле...» : лирика Анны Ахматовой. – М. : Словари. Ру, 2007. – 494, [1] с. – Библиогр. в примеч.: с. 454-473. – Указ. имен: с. 474-483. – Указ. произведений А. А. Ахматовой: с. 484-494.

Редактор, составитель

1988

12. Художественная традиция в историко-литературном процессе : межвуз. сб. науч. тр. / ЛГПИ им. А. И. Герцена ; редкол.: С. И. Тимина (отв. ред.), В. В. Мусатов, В. В. Тюрин [и др.]. – Л., 1988. – 140 с.

1999

13. Опыты : сб. студенческих науч. работ : по материалам науч. конф. 1999 г. / редкол.: С. Г. Исаев, В. В. Мусатов, О. С. Бердяева [и др.] ; НовГУ им. Ярослава Мудрого. – Великий Новгород, 1999. – Вып. 1. – 78 с.

2000

14. Александр Блок и мировая культура : материалы науч. конф., 14-17 марта 2000 г. / отв. ред. Мусатов В. В. ; сост. Игошева Т. В. ; НовГУ им. Ярослава Мудрого. – Великий Новгород, 2000. – 418 с.

15. Опыты : сб. науч. работ студентов и аспирантов / редкол.: С. Г. Исаев, В. В. Мусатов, О. С. Бердяева [и др.] ; НовГУ им. Ярослава Мудрого. – Великий Новгород, 2000. – Вып. 2. – 161 с.

2001

16. Некалендарный XX век : материалы Всерос. семинара, 19-21 мая 2000 г. / сост. В. В. Мусатов ; редкол.: В. В. Мусатов [и др.] ; НовГУ им. Ярослава Мудрого. – Великий Новгород, 2001. – 377 с. – Библиогр. в конце ст.

2002

17. Опыты : сб. науч. работ студентов и аспирантов / редкол.: В. В. Мусатов [и др.] ; НовГУ им. Ярослава Мудрого. – Великий Новгород, 2002. – Вып. 3. – 154 с.

2003

18. Некалендарный XX век : материалы Всерос. семинара 2003 г. / сост. В. В. Мусатов ; редкол.: В. В. Мусатов [и др.] ; НовГУ им. Ярослава Мудрого. – Великий Новгород, 2003. – Вып. 2. – 227 с. – Библиогр. в конце ст.

19. Опыты : сб. науч. работ студентов и аспирантов / редкол.: В. В. Мусатов [и др.] ; НовГУ им. Ярослава Мудрого. – Великий Новгород, 2003. – Вып. 4, ч. 1. – 81 с.

2004

20. Немеркнущий свет : евангельские мотивы в русской поэзии / [сост. В. В. Мусатов ; вступ. ст. А. А. Харитонов ; худож. М. Г. Кудрявцева]. – СПб. : Свет на Востоке, 2004. – 283 с. : ил. – (Лики Евангелия). – Библиогр. в коммент.: с. 246-278.

**Статьи, интервью, рецензии из периодических изданий, сборников,
энциклопедий, материалов конференций**

1976

21. Стихотворение Д. Самойлова «Пестель, поэт и Анна» : (к проблеме «обычного слова» в современной поэзии) // Анализ отдельного художественного произведения : сб. науч. тр. / редкол.: А. И. Хватов (отв. ред.), В. Н. Альфонсов, М. Ф. Пьяных ; ЛГПИ им. А. И. Герцена. – Л., 1976. – С. 96-107.

1977

22. К проблеме современной философской лирики : аспект традиций // Современное литературное развитие и проблема преемственности : сб. науч. тр. / редкол.: А. И. Хватов (отв. ред.), В. Н. Альфонсов, М. Ф. Пьяных ; ЛГПИ им. А. И. Герцена. – Л., 1977. – С. 99-126.
23. Фет и проблема традиций в советской поэзии // Советская поэзия 20-х – 30-х годов : респ. сб. / Челябинский гос. пед. ин-т. – Челябинск, 1977. – Вып. 5. – С. 140-151.

1980

24. Время ожиданий и надежд // В конце семидесятых : литература наших дней / сост. И. С. Эвентов. – Л., 1980. – С. 235-260.

1981

25. Мандельштам и Тютчев // Творчество писателя и литературный процесс : межвуз. сб. науч. тр. / ИвГУ. – Иваново, 1981. – С. 189-205.

1982

26. Лирика О. Мандельштама 1908–1912 гг. // Творчество писателя и литературный процесс : межвуз. сб. науч. тр. / ИвГУ. – Иваново, 1982. – С. 144-153.
27. Некрасов в поэтическом сознании Мандельштама // Н. А. Некрасов и русская литература второй половины XIX – начала XX веков : межвуз. сб. науч. тр. / Ярославский ордена Трудового Красного Знамени гос. пед. ин-т им. К. Д. Ушинского. – Ярославль, 1982. – С. 94-101.

1985

28. Поэтическая стихия // Новгородская правда. – 1985. – 28 июля. – С. 4.
Ивано-Франковский областной украинский музыкально-драматический театр им. Ивана Франко в Новгороде.

1986

29. «Архитектура, демон которой сопровождал меня всю жизнь» : (об идейно-эстетической позиции О.Э. Мандельштама в литературном процессе 1910-х годов) // Творчество писателя и литературный процесс : межвуз. сб. науч. тр. / ИвГУ. – Иваново, 1986. – С. 155-170.
30. Испытание Гоголем // Новгородская правда. – 1986. – 15 июня. – С. 3.
«Ревизор» в постановке Челябинского театра драмы.
31. К проблеме целостного анализа лирической системы А.А. Ахматовой // Целостность художественного произведения : межвуз. сб. науч. тр. / ЛГПИ им. А. И. Герцена. – Л., 1986. – С. 3-13.
32. Об одном пушкинском сюжете в «диалоге» М. Цветаевой и О. Мандельштама 10-х годов // Проблемы современного пушкиноведения : межвуз. сб. науч. тр. / ЛГПИ им. А. И. Герцена. – Л., 1986. – С. 103-111.

1987

33. «Его человеческий голос в его божественных стихах» : Пушкинские штудии Анны Ахматовой // Альманах библиофила. – М., 1987. – Вып. 23 : Венок Пушкину (1837–1987) / сост. А. М. Кузнецов ; Всерос. добр. о-во любителей книги, О-во книголюбов ; гл. ред. Е. И. Осетров. – С. 178-186.
34. Свечение пламени духовного // Новгородская правда. – 1987. – 5 нояб. – С. 4. – (К 60-летию Дмитрия Балашова).
35. Центральная коллизия в «Поэме без героя» Анны Ахматовой // Творчество писателя и литературный процесс : жанрово-стилевые проблемы : межвуз. сб. науч. тр. / ИвГУ. – Иваново, 1987. – С. 59-69.

1988

36. Горький и Достоевский // Достоевский и современность : тез. выступлений на «Старорус. чтениях». – Новгород, 1988. – С. 75-79.

37. От Некрасова к Пушкину : (о логике поэтической преемственности в творчестве Твардовского) / О. С. Бердяева // Художественная традиция в историко-литературном процессе : межвуз. сб. науч. тр. / ЛГПИ им. А. И. Герцена ; редкол.: С. И. Тимина (отв. ред.), В. В. Мусатов, В. В. Тюрин [и др.]. – Л., 1988. – С. 99-114.

38. Пушкин в эстетическом самосознании русского символизма // Художественная традиция в историко-литературном процессе : межвуз. сб. науч. тр. / ЛГПИ им. А. И. Герцена ; редкол.: С. И. Тимина (отв. ред.), В. В. Мусатов, В. В. Тюрин [и др.]. – Л., 1988. – С. 34-68.

1989

39. Ахматова и Мандельштам : (к постановке проблемы) // Анна Ахматова и русская культура начала XX века : тез. конф. – М., 1989. – С. 50-52.

40. Пушкин в творческом сознании Александра Блока (1890–1900-е гг.) // Проблемы современного пушкиноведения : межвуз. сб. науч. тр. / Псковский гос. пед. ин-т. ; Вологодский гос. пед. ин-т. – Вологда, 1989. – С. 107-117.

41. «Что за прелесть эти сказки...» // Новгородская правда. – 1989. – 26 дек. – С. 4.

О постановке в Новгородском областном театре драмы сказок А.С. Пушкина «Сказка о попе и о работнике его Балде» и «Сказки о золотом петушке».

1990

42. К проблеме поэтического генезиса Мандельштама // Жизнь и творчество О. Э. Мандельштама. Воспоминания. Материалы к биографии. «Новые стихи». Комментарии. Исследования / Воронежский ун-т. – Воронеж, 1990. – С. 438-452.

43. К проблеме генезиса лирики Бориса Пастернака // Известия АН СССР. Серия лит. и яз. – М., 1990. – Т. 49, № 5. – С. 403-413.

1991

44. Ахматова и Мандельштам // Russian literature. – Amsterdam, 1991. – Vol. XXX, № 3. – P. 357-371.

45. К истории одного спора (Вячеслав Иванов и Иннокентий Анненский) // Творчество писателя и литературный процесс : межвуз. сб. науч. тр. / ИвГУ. – Иваново. 1991. – С. 26-38.
46. К проблеме формирования мифологемы русской культуры в творческом сознании Иннокентия Анненского : (Пушкин, Чехов, Анненский) // Человек. Культура. Слово. – Омск, 1991. – С. 63-78.
47. «Логизм вселенской идеи» : (к проблеме творческого самоопределения раннего Мандельштама) // Слово и судьба : Осип Мандельштам : исследования и материалы. – М., 1991. – С. 321-330.
48. Об «акмеизме» О. Мандельштама // Воронежский период в жизни и творчестве О. Э. Мандельштама : материалы. – Воронеж, 1991. – С. 17-19.
49. Ранняя лирика Осипа Мандельштама // Известия АН СССР. Серия лит. и яз. – 1991. – Т. 50, № 3. – С. 236-247. – Библиогр.: с. 247.

1992

50. К проблеме анализа лирической системы Анны Ахматовой // Царственное слово : Ахматовские чтения. – М., 1992. – Вып. 1. – С. 103-110.
51. Об «акмеизме» Осипа Мандельштама // Вестник Удмуртского университета. – Ижевск, 1992. – Спецвып., посвящ. О. Мандельштаму / сост. Д. И. Черашняя. – С. 8-15. – Библиогр.: с. 14-15 (13 назв.).
52. «Тихие песни» Иннокентия Анненского // Известия АН. Серия лит. и яз. – 1992. – Т. 51, № 6. – С. 14-24.

1993

53. В обители св. Евфимия : [беседа с настоятельницей Вяжищского женского монастыря матушкой Антонией] / материал готовили: Н. Жервэ, Т. Кульпинова, В. Мусатов // София. – 1993. – нояб.-дек. (№ 8). – С. 11.
54. ...И всяк дар совершен, свыше есть : из рассказов новгородского регента Владимира Ивановича Хахилева [о Новгороде в период после 1917 года] / материал готовили: Н. Жервэ, С. Моисеев, В. Мусатов // София. – 1993. – май-июль (№ 6). – С. 13.
55. «Кде святая София ту Новгород...» / Нина Жервэ, Вл. Мусатов // София. – 1993. – авг.-окт. (№ 7). – С. 8-10.

Об истории и архитектуре Софийского собора в Великом Новгороде.

56. О логике поэтической судьбы Маяковского // Известия АН. Серия лит. и яз. – М., 1993. – Т. 52, № 5. – С. 26-31. – Библиогр.: с. 31.
57. О монстрах и героях : как начиналась советская литература // Независимая газета. – 1993. – 7 авг. (№ 148). – С. 7.
58. Святитель Евфимий // София. – 1993. – нояб.-дек. (№ 8). – С. 8-9.
59. Святитель Евфимий // София. – 1993. – № 8, прил. 1. – С. 2-3.
60. Трагедия генерала Власова : [рецензия] // София. – 1993. – май-июль (№ 6). – С. 16. – Рец. на кн.: Киселев А., протопресвитер. Облик генерала А. А. Власова : (записки военного священника). – Нью-Йорк, 1978.

1994

61. Альма-матер : беседа с деканом филологического факультета НовГУ им. Ярослава Мудрого В. В. Мусатовым / беседу вел Максим Владимиров // Новгородские ведомости. – 1994. – 9 дек. – С. 1.
О работе факультета. Филологическому факультету НовГУ им. Ярослава Мудрого – 60 лет.
62. Знакомьтесь : «София» : новинки периодики / Н. Н. Жервэ // Библиография. – 1994. – № 5. – С. 51-55.
63. Зима первого года : беседа с протоиереем Софийского собора Анатолием Малининым / записали [беседу]: Н. Жервэ, В. Мусатов // София. – 1994. – янв.-март (№ 1). – С. 5.
64. Мария Алексеевна Строганова // София. – 1994. – апр.-июнь (№ 2 (10)). – С. 12 ; июль-сент. (№ 3 (11)). – С. 12.
65. О стихотворении Мандельштама «Среди священников левитом молодым...» // Мандельштамовские дни в Воронеже : материалы. – Воронеж, 1994. – С. 60-62.
66. Образ Петербурга в лирике Осипа Мандельштама 1910-х годов // Петербургские чтения : тез. докл. науч. конф., посвящ. 291-летию Санкт-Петербурга, 23-27 мая 1994 г. / [сост. Т. А. Славина [и др.] ; ред. Л. А. Мозгунова] ; С.-Петерб. ассоц. исследователей города. – СПб., 1994. – С. 113-115.
67. Святые воины // София. – 1994. – окт.-дек. (№ 4 (12)). – С. 5.
Об особом типе русских святых – святых воинах.

68. Старица Мария Михайловна // София. – 1994. – янв.-март (№ 1 (9)). – С. 9.

1995

69. Ещё раз к истолкованию «Грифельной оды» Осипа Мандельштама // Державинский сборник / науч. ред. В. А. Кошелев ; НовГУ им. Ярослава Мудрого. – Новгород, 1995. – С. 99-107.

70. «Некто в чесуче», или Как начиналась советская литература // Новгородский университет. – 1995. – 1 дек. (№ 35 (266)).

71. Ночь над Евфратом // «Отдай меня, Воронеж...» : третьи Междунар. Мандельштамовские чтения : сб. докл. / В. Б. Микушевич [и др.] ; ред. О. Г. Ласунский [и др.] ; Мандельштамовское о-во ; Воронежский ун-т. – Воронеж, 1995. – С. 170-176.

72. Ночь над Евфратом : (об историософском смысле стихотворения О. Мандельштама «Среди священников левитом молодым...») // Серебряный век : прил. к журн. «Ренессанс». – Киев, 1995. – № 2.

73. Ночь над Евфратом : доклад, прочитанный на международной мандельштамовской конференции в Воронеже (май 1994 г.) // Чело. – 1995. – № 4. – С. 2-4.

74. Поэтический мир Сергея Есенина // Литература в школе. – 1995. – № 6. – С. 17-24.

75. Тайна Веры-молчальницы // София. – 1995. – янв.-март (№ 1(13)). – С. 9. – Статья подписана инициалами В.М.

76. «Три измерения пространства» : к вопросу о предметности ранней лирики Осипа Мандельштама // Вестник НовГУ. Серия, Гуманитарные науки. – 1995. – № 2. – С. 79-83.

1996

77. О новгородских ересьях XV века // София. – 1996. – июль-сент. (№ 3 (19)). – С. 12.

1997

78. «Для служебного пользования», или О том, как уничтожали святые источники на Новгородской земле // София. – 1997. – № 2. – С. 27-28. – Примеч.: с. 28.

О мероприятиях по прекращению паломничества к святым источникам Новгородчины.

79. Зиновий Отенский // Где святая София, там и Новгород : [по материалам Новгородской епархиальной газеты «София»] / ред.-сост.: Т. Н. Кульпинова, Н. Н. Жервэ, Я. А. Страхова. – СПб., 1997. – С. 294-296.
80. «...И всяк дар совершен свыше есть» : из рассказов новгородского регента В. И. Хахилева / материал готовили: С. Моисеев, В. Мусатов, Н. Жервэ // Где святая София, там и Новгород : [по материалам Новгородской епархиальной газеты «София»] / ред.-сост.: Т. Н. Кульпинова, Н. Н. Жервэ, Я. А. Страхова. – СПб., 1997. – С. 401-411.
81. «Кде Святая София, ту Новгород...» / Н. Жервэ // Где святая София, там и Новгород : [по материалам Новгородской епархиальной газеты «София»] / ред.-сост.: Т. Н. Кульпинова, Н. Н. Жервэ, Я. А. Страхова. – СПб., 1997. – С. 25-37.
82. Мифологема «смерти поэта» в стихотворении Осипа Мандельштама «Концерт на вокзале» // Пушкин и другие : сб. ст., посвящ. 60-летию со дня рождения С. А. Фомичева / науч. ред. и сост. В. А. Кошелев ; НовГУ им. Ярослава Мудрого. – Новгород, 1997. – С. 284-292. – Библиогр.: 11 назв. : фот.
83. «Наши дороги ведут к Эрзеруму» : о пушкинском подтексте в армянских стихах Осипа Мандельштама // Четвёртая междунар. Пушкинская конференция, С-Петербург, Нижний Новгород, Болдино, 20-25 авг. 1997 г. : докл. – СПб., 1997. – С. 168-173.
84. Святитель Евфимий (1429–1458) // Где святая София, там и Новгород : [по материалам Новгородской епархиальной газеты «София»] / ред.-сост.: Т. Н. Кульпинова, Н. Н. Жервэ, Я. А. Страхова. – СПб., 1997. – С. 85-92.
85. Старица Мария Михайловна // Где святая София, там и Новгород : [по материалам Новгородской епархиальной газеты «София»] / ред.-сост.: Т. Н. Кульпинова, Н. Н. Жервэ, Я. А. Страхова. – СПб., 1997. – С. 379-383.
86. Мария Алексеевна Строганова // Где святая София, там и Новгород : [по материалам Новгородской епархиальной газеты «София»] / ред.-сост.: Т. Н. Кульпинова, Н. Н. Жервэ, Я. А. Страхова. – СПб., 1997. – С. 383-391.
87. Тайна Веры-Молчальницы // Где святая София, там и Новгород : [по материалам Новгородской епархиальной газеты «София»] / ред.-сост.: Т. Н. Кульпинова, Н. Н. Жервэ, Я. А. Страхова. – СПб., 1997. – С. 266-268.

1998

88. Взгляд на русскую литературу 20-го века // Вопросы литературы. – 1998. – № 3. – С. 75-89.

89. «Вячеслав Великолепный» : жизнь и творчество Вячеслава Иванова // Литература в школе. – 1998. – № 7. – С. 36-47.

90. Нельзя заменить идею культуры идеей нации // «Современное общество и проблемы исторического образования» : междунар. науч.-практ. конф., Таллинн, 8 мая 1998 г. : материалы конф. / [ред. Людмила Полякова]. – [Таллинн, 1998]. – С. 33-34.

2000

91. Ещё раз к вопросу об «Оде» Осипа Мандельштама // Потаённая литература : исследования и материалы. – Иваново, 2000. – Вып. 2. – С. 162-170.

92. Лия и Елена : (об одном загадочном стихотворении Мандельштама) // Вестник НовГУ. Серия, Гуманитарные науки: история, литературоведение, языкознание. – 2000. – № 15. – С. 63-65.

93. Лирика Осипа Мандельштама : (глава из книги) // Воздушные чернила / [сост. М. Баталин]. – Киев, 2000. – С. 5-70.

94. Малому филфаку – два года // Новгородские ведомости. – 2000. – 23 июня. – С. 8.

О малом филфаке на базе филологического факультета.

95. Хожение по мукам советской литературы / расспрашивала Светлана Калашникова // Новгородские ведомости. – 2000. – 2 июня. – С. 6.

О системе преподавания литературы в университете.

2001

96. К характеристике понятия «советская литература» // Некалендарный XX век : материалы Всерос. семинара, 19-21 мая 2000 г. / сост. В. В. Мусатов ; редкол.: В. В. Мусатов [и др.] ; НовГУ им. Ярослава Мудрого. – Великий Новгород, 2001. – С. 107-121.

97. О фольклорном подтексте сталинской темы в воронежских стихах Мандельштама // Смерть и бессмертие поэта : материалы междунар. науч. конф., посвящ. 60-летию со дня гибели О. Э. Мандельштама, Москва, 28-29 дек. 1998 г. / Мандельштамовское о-во ; РГГУ. – М., 2001. – С. 155-161. – (Записки Мандельштамовского общества ; № 11).

98. Об одном «блоковском» эпизоде в биографии Анны Ахматовой // Юбилейный сборник, посвящ. 75-летию В. А. Какичева / сост. В. И. Макаров ; НовГУ им. Ярослава Мудрого [и др.]. – Великий Новгород, 2001. – С. 141-143. – Библиогр.: 7 назв.

2002

99. «У шкатулки ж тройное дно...» : (о некоторых блоковских подтекстах в лирике Анны Ахматовой 10-х годов) // Потаённая литература : исследования и материалы. – Иваново, 2002. – Вып. 3. – С. 143-153.

2003

100. Ахматова и Анненский : (об одном сюжете «ахматовского мифа») // Шестое чувство : памяти Павла Вячеславовича Куприяновского. – Иваново, 2003. – С. 82-89.
101. «Некто в чесуче», или Как начиналась советская литература // Профессора НовГУ : история десятилетия : юбилейная дайджест-серия / гл. ред. Л. Н. Симонова ; ред.: Т. С. Данилова, Т. И. Васильева. – Великий Новгород, 2003. – Вып. IV. – С. 35.

102. Фридрих Ницше в Новгороде / беседовала А. Багаури // Новгородский университет. – 2003. – № 12 (556). – С. 8 : фот.

Интервью с руководителем научно-практического семинара «Русский Ницше» : русская литература XX века и «кризис ценностей» европейской культуры», прошедшего 23–25 марта на кафедре русской литературы и журналистики филологического факультета под эгидой НовМИОН НовГУ.

2004

103. Ещё раз к проблеме «Анна Ахматова и Николай Недоброво» // Традиционализм и модернизм в русской литературе / сост. и ред. А. П. Казаркин, Н. В. Серебренников ; Томский гос. ун-т. – Томск, 2004. – С. 84-90. – Библиогр.: с. 90.
104. О донжуановском коде в «Поэме без героя» Анны Ахматовой // Потаённая литература : исследования и материалы. – Иваново, 2004. – Вып. 4. – С. 46-56.

2005

105. «Всё как-то близко, почти рядом...» : (из писем В. В. Мусатова Л. Н. Таганову) / вступ. заметка, публ. писем, коммент. Л. Н. Таганова // «Свет мой канет в бездну. Я вам оставляю луч...» : сб. публикаций, статей и материалов, посвящ. памяти Владимира Васильевича Мусатова / сост. О. С. Бердяева, Т. В. Игошева ; НовГУ. – Великий Новгород, 2005. – С. 228-237.
106. Полночные строфы : стихи / публ. и вступ. ст. О. С. Бердяевой // «Свет мой канет в бездну. Я вам оставляю луч...» : сб. публикаций, статей и материалов, посвящ. памяти Владимира Васильевича Мусатова / сост. О. С. Бердяева, Т. В. Игошева ; НовГУ. – Великий Новгород, 2005. – С. 225-228.
107. «Тарковским я переболел в юности...» : (письмо Е. В. Верещагиной О. С. Бердяевой, письмо В. В. Мусатова Е. Верещагиной) // «Свет мой

канет в бездну. Я вам оставлю луч...» : сб. публикаций, статей и материалов, посвящ. памяти Владимира Васильевича Мусатова / сост. О. С. Бердяева, Т. В. Игошева ; НовГУ им. Ярослава Мудрого. – Великий Новгород, 2005. – С. 238-240.

2006

108. Ахматова и Блок : стенограмма лекции, прочитанной на семинаре молодой науки в Ивановском Государственном университете в 2002 году / подгот. текста и публ. О. С. Бердяевой, Е. В. Мусатовой // «Я всем прощение дарую...» : Ахматовский сборник / сост. Н. И. Крайнева ; под общ. ред. Д. Макфадьена, Н. И. Крайневой.. – М. ; СПб., [2006]. – С. 332-348.

2008

109. Осип Мандельштам // Русская литература 1920–1930-х годов : портреты поэтов / РАН, Институт мировой литературы им. А. М. Горького ; [редкол.: А. Б. Куделин [и др.]. – М., 2008. – (История русской литературы XX века. 1920–1930-е годы). – Т. 2. – С. 125-168. – Библиогр. в конце ст.
110. Борис Пастернак // Русская литература 1920–1930-х годов : портреты поэтов / РАН, Институт мировой литературы им. А. М. Горького ; [редкол.: А. Б. Куделин [и др.]. – М., 2008. – (История русской литературы XX века. 1920–1930-е годы). – Т. 2. – С. 82-124. – Библиогр. в конце ст.
111. [Стихотворения] // Ярославов день : поэтические страницы : сб. стихов / рук. проекта: М. Э. Раненко, В. Р. Исаков ; ред. кол.: И. С. Абрамовская [и др.] ; НовГУ им. Ярослава Мудрого. – Великий Новгород, 2008. – С. 24-27.

2009

112. «Наполняются реки водой...» : [стихи] // Вестник Удмуртского университета. Серия, История и филология. – 2009. – Вып. 3. – С. 202-203.
113. Отзыв о кандидатской диссертации М. В. Серовой «Поэтические циклы Марины Цветаевой : (художественный смысл и поэтика)» // Вестник Удмуртского университета. Серия, История и филология. – 2009. – Вып. 3. – С. 195-201.

2010

114. Натюрморты Елены Базановой // Акварели Елены Базановой : [каталог выставки избранных работ, 16-21 февр. 2010 г.] / [сост.: Е. С. Базанова ; послесл. Владимира В. Мусатова]. – СПб., 2010. – С. 22-24.

Литература о В. В. Мусатове

1. Альфонсов В. О последней книге В.В. Мусатова / В. Альфонсов // Мусатов В. «В то время я гостила на земле...» : лирика Анны Ахматовой. – М. : Словари. Ру, 2007. – С. 5-10.
2. Андреев В. Прощай, размах крыла расправленный : вспоминая Володю Мусатова / Владимир Андреев // Андреев В. На Соборной площади : лица и голоса Тамбовского литературного гнезда : исследования, очерки, воспоминания ; [Мичуринск. гос. аграрный ун-т]. – Мичуринск, 2006. – С. 77-90.
3. Андреев В. Мичуринский период жизни профессора В.В. Мусатова (1963–1978) / В. Андреев // Некалендарный XX век : [Мусатовские чтения]. – М., 2011. – С. 5-20
4. Андреев В. О Владимире Мусатове : воспоминания / В. Андреев // Соборная площадь. – Мичуринск, 2004. – май-июль (№ 1 (6)). – С. 8-9.
5. Андреев В. Е. [В. В. Мусатов] : биобиблиограф. справка / В. Е. Андреев // Андреев В. Литераторы на Тамбовской земле : крат. справочник. – Мичуринск, 1998. – Ч. 1 : А–М. – С. 90, 106–107.
6. Белых М. Год А. С. Пушкина продолжается / Михаил Белых // Мичуринская правда. – 1999. – 11 дек. (№ 147). – С. 1.
Автор монографии «Пушкинская традиция в российской поэзии первой половины XX века» – выпускник Мичуринского пединститута начала 70-х годов Владимир Мусатов.
7. Белых М. В. В. Мусатов (1949–2003) : биограф. справка / Михаил Белых // Белых, М. Шагая из XVII века... : Козлов–Мичуринск от А до Я. – Мичуринск, 2008. – С. 90.
8. Виноградова Л. П. В. В. Мусатов (1949–2003) : биограф. справка / Л. П. Виноградова // Тамбовская энциклопедия / гл. науч. ред. Л. Г. Протасов. – Тамбов, 2004. – С. 364.
9. Гордин М. [Рецензия] / Михаил Гордин // Нева. – 1994. – № 1. – С. 300-301. – Рец. на кн.: Мусатов В. Пушкинская традиция в русской поэзии первой половины XX века. – М. : Прометей, 1992. – (Литературный календарь).

10. Григорьев В. Г. Диалог продолжается... : (штрихи к портрету В.В. Мусатова) / В. Г. Григорьев // Вчера... завтра : сб., посвящ. 10-летию специальности «Журналистика» в НовГУ. – Великий Новгород, 2005. – С. 23-27 : фот.
11. Д. Л. [Рецензия] / Д. Л. // Новое литературное обозрение (НЛО). – 2002. – № 53. – С. 412-414. – Рец. на кн.: Мусатов В. В. Лирика Осипа Мандельштама. – Киев, 2000. – 560 с.
12. Давыдова Н. Мнение зрителей [о фильме И. Пырьева «Братья Карамазовы», в т. ч. о несогласии студента В. Мусатова с мнением студентки технологического техникума Наливкиной о бесплодности богоборчества Ивана Карамазова, его бунта против религиозных основ бытия] / Н. Давыдова // Мичуринская правда. – 1969. – 25 апр. (№ 86). – С. 4.
13. И. Б. [Рецензия] / И. Б. // Новое литературное обозрение (НЛО). – 1999. – № 38. – С. 388-391. – Рец. на кн.: Мусатов В. В. Пушкинская традиция в русской поэзии первой половины XX века. – М. : РГГУ, 1998. – 484 с.
14. Евлампиева И. Н. «Как слово наше отзовется» : научные исследования В.В. Мусатова и школьная практика / И. Н. Евлампиева // Литература : прил. к газете «Первое сентября». – 2008. – № 1. – С. 10.
15. Кормилов С. И. Творчество Н.А. Заболоцкого в литературоведении рубежа XX–XXI вв. : (к 100-летию со дня рождения поэта) / С. И. Кормилов // Вестник МУ. Серия 9, Филология. – 2003. – № 3. – С. 135-149.
16. Кормилов С. И. Эволюция представлений о классиках русской литературы XX столетия / С. И. Кормилов // Вестник МУ. Серия 9, Филология. – 2004. – № 6. – С. 141-158.
На странице 154 автор статьи упоминает пособие В. В. Мусатова «История русской литературы первой половины XX в. (советский период)».
17. Кульпинова Т. Все уже круг... : [В. В. Мусатов : некролог] / Татьяна Кульпинова // Новая Новгородская газета. – 2003. – 19 нояб. (№ 47). – С. 17.
18. Липлавская Е. «Жизнь моя в прыжке затяжном...» : из передач «Радио Иваново» от 17.12.2003 и 19.11.2004 : [Владимир Васильевич Мусатов (1949–2003)] / Елена Липлавская // Кормановские чтения : материалы межвуз. конф., Ижевск, апр. 2004 г. / сост. Е. А. Подшивалова, Д. И. Черашняя. – Ижевск, 2005. – Вып. 5. – С. 284-303.

19. Матросов В. Судьба творца / Василий Матросов // Новгородский университет. – 2009. – № 29. – С. 3 : ил.
Международная конференция «Некалендарный XX век: Мусатовские чтения–2009».
20. Мезенцева Л. [2003 г. – скончался Владимир Васильевич Мусатов...] / Лариса Мезенцева // Литература : прил. к газете «Первое сентября». – 2004. – № 41. – С. 17. – (Литературный календарь. 6-16 ноября).
21. Михайлова О. В. [Рецензия] / О. В. Михайлова // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 7, Литературоведение : РЖ / РАН, ИНИОН. – 2008. – № 4. – С. 150-156. – Рец. на кн.: Мусатов В. «В то время я гостила на земле...» : лирика Анны Ахматовой. – М. : Словари.ру, 2007. – 496 с.
22. Михайлова О. В. [Рецензия] / О. В. Михайлова // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 7, Литературоведение : РЖ / РАН, ИНИОН. – 2007. – № 1. – С. 206-213. – Рец. на кн.: «Свет мой канет в бездну. Я вам оставлю луч...» : сб. публикаций, статей и материалов, посвящ. памяти Владимира Васильевича Мусатова / сост. О. С. Бердяева, Т. В. Игошева ; НовГУ. – Великий Новгород, 2005. – 243 с.
23. Владимир Васильевич Мусатов : некролог // Вестник НовГУ. Серия, Гуманитарные науки : история, литературоведение, языкознание. – 2003. – № 25. – С. 124.
24. [Владимир Васильевич Мусатов (24.08.1949–11.11.2003) : некролог] // Новгородский университет. – 2003. – № 31 (575). – Третий лист обложки.
25. Мусатов Владимир Васильевич (1949–2003) // Преподаватели Гуманитарного института Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого : (1996–2011) : биографический справочник / отв. сост. Н. С. Федорук. – Великий Новгород, 2011. – С. 113-114 : фот.
26. Мусатов Владимир Васильевич (1949–2003) // Преподаватели Новгородского государственного педагогического института : (1953–1993) : биографический справочник / сост.: Р. П. Макейкина, Н. С. Федорук. – Великий Новгород, 2009. – С. 34-35 : фот.
27. Мусатов Владимир Васильевич (1949–2003) // Русские литературоведы XX века : проспект словаря / О. А. Клинг, А. А. Холиков ; МГУ им. М. В. Ломоносова, филол. фак-т, каф. теории литературы. – М., 2010. – С. 33.

28. Орлицкий Ю. [Рецензия] / Юрий Орлицкий // Литература : прил. к газете «Первое сентября». – 2007. – № 24. – С. 30. – Рец. на кн.: Мусатов В. «В то время я гостила на земле...» : лирика Анны Ахматовой. – М. : Словари.ру, 2007. – 496 с.
29. «Отжени нас от злобы вчерашней» : к 60-летию со дня рождения Владимира Васильевича Мусатова / Удмуртский гос. ун-т, каф. рус. лит. XX века и фольклора // Вестник Удмуртского университета. – 2009. – Вып. 3. – С. 194. : фот.
30. Петрова Г. В. Книга о пушкинской традиции / Г. В. Петрова // Russian Studies : ежеквартальник русской филологии и культуры. – 1995. – № 1.3. – С. 452-453. – Рец. на кн.: В. В. Мусатов. Пушкинская традиция в русской поэзии первой половины XX века. – М., 1994.
31. Петрова Г. В. Владимир Васильевич Мусатов (1949–2003). Памяти ученого / Г. В. Петрова, О. С. Бердяева // Вестник НовГУ. Серия, Филология. – 2010. – № 56 : Спец. выпуск «Мусатовские чтения–2009». – С. 5-7 : фот.
32. Петрова Т. Г. [Рецензия] / Т. Г. Петрова // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 7, Литературоведение : РЖ / РАН, ИНИОН. – 2000. – № 1. – С. 143-156. – Рец. на кн.: Мусатов В. В. Пушкинская традиция в русской поэзии первой половины XX века. – М. : Изд-во РГГУ, 1998. – 483 с.
33. Полякова О. В память о наставнике / Ольга Полякова // Новгородский университет. – 2007. – № 37. – С. 2.
8-10 ноября 2007 года в ИГУМ состоялась Всероссийская научная конференция «Некалендарный XX века : Первые Мусатовские чтения».
34. Попков, В. Памяти Владимира Мусатова : Сороковины / В. Попков // Мичуринская правда. – 2003. – 20 дек. (№ 240). – С. 2.
35. Попков, В. И. Слово о Владимире Мусатове / В. И. Попков // Соборная площадь. – 2003. – дек. (№ 5). – С. 31.
36. [Рецензия] // Литературная газета. – 2008. – 16-22 янв. (№ 1). – С. 1. – Рец. на кн.: Мусатов В. «В то время я гостила на земле...» : лирика Анны Ахматовой. – М. : Словари.ру, 2007. – 496 с.
37. С. Д. [Рецензия] / С. Д. // Литература : еженедельная газета объединения пед. изданий «Первое сентября». – 2001. – № 33. – С. 15. – Рец. на кн.: Мусатов В. В. История русской литературы первой половины XX века (советский период) : учеб. пособие. – М. : Academia : Высш. шк., 2001. – 310 с.

38. «Свет мой канет в бездну. Я вам оставлю луч...» : сб. публикаций, статей и материалов, посвящ. памяти Владимира Васильевича Мусатова / сост. О. С. Бердяева, Т. В. Игошева ; НовГУ им. Ярослава Мудрого. – Великий Новгород, 2005. – 243 с. : ил.
39. Слабких К. Э. Новые и вновь введенные в научный оборот исследования проблемы «А.А. Ахматова и православие» / К. Э. Слабких // Русский язык, литература, культура в школе и вузе. – 2009. – № 5. – С. 6-16.
40. Слабких К. Э. [Рецензия] / К. Э. Слабких // Вестник МУ. Серия 9, Филология. – 2008. – № 4. – С. 209-216. – Рец. на кн.: Мусатов В. В. «В то время я гостила на земле...» : лирика Анны Ахматовой. – М., 2007. – 495 с.
41. Список основных публикаций В. В. Мусатова // «Свет мой канет в бездну. Я вам оставлю луч...» : сб. публикаций, статей и материалов, посвящ. памяти Владимира Васильевича Мусатова / сост. О. С. Бердяева, Т. В. Игошева ; НовГУ им. Ярослава Мудрого. – Великий Новгород, 2005. – С. 241-243.
42. Таборисская Е. М. Лирический мир Осипа Мандельштама как целое / Е. М. Таборисская // Русская литература. – 2001. – № 3. – С. 229-231. – Рец. на кн.: Мусатов В. В. Лирика Осипа Мандельштама. – Киев : Эльга-Н : Ника-Центр, 2000.
43. Таборисская Е. М. От редактора / Е. М. Таборисская // Мусатов В. «В то время я гостила на земле...» : лирика Анны Ахматовой / Владимир Мусатов. – М. : «Словари.ру», 2007. – С. 3-4.
44. Черненко М. Снова к синтезу? / Маргарита Черненко // Знамя. – 2001. – № 9. – С. 220-224. – (Наблюдатель. Рецензии). – Рец. на кн.: Воздушные чернила / сост. М. Баталин. – Киев : Факт, 2000. – 256 с.
Включенным в состав сборника главам книги В.В. Мусатова «Лирика Осипа Мандельштама» посвящены в рецензии с. 220-221.
45. Чумакина Л. Голодное время / Л. Чумакина // Книжное обозрение. – М., 2000. – № 42. – С. 9. – Рец. на кн.: Мусатов В. Лирика Осипа Мандельштама. – Киев, 2000. – 560 с.
46. Чупринин С. Мусатов Владимир Васильевич / Сергей Чупринин // Чупринин С. И. Новая Россия : мир литературы : энциклопедический словарь-справочник : в 2 т. – М., 2003. – Т. 2 : М-Я. – С. 105.
47. Шифрин Г. Много есть хороших слов : [о стихах В. Мусатова] / Г. Шифрин // Мичуринская правда. – 1969. – 29 апр. (№ 88). – С. 3.

Алфавитный указатель трудов

А

- «Архитектура, демон которой сопровождал меня всю жизнь» – 29
Альма-матер – 61
Ахматова и Анненский – 100
Ахматова и Блок – 108
Ахматова и Мандельштам – 39, 44
Александр Блок и мировая культура – 14

В

- В обители святого Евфимия – 53
«В то время я гостила на земле...» – 11
Взгляд на русскую литературу 20-го века – 88
Время ожиданий и надежд – 24
«Всё как-то близко, почти рядом...» – 105
«Вячеслав Великолепный» – 89

Г

- Горький и Достоевский – 36

Д

- «Для служебного пользования» – 78

Е

- «Его человеческий голос в его божественных стихах» – 33
Еще раз к вопросу об «Оде» Осипа Мандельштама – 91
Еще раз к истолкованию «Грифельной оды» Осипа Мандельштама – 69
Еще раз к проблеме «Анна Ахматова и Николай Недоброво» – 103

З

- Зима первого года – 63
Зиновий Отенский – 79
Знакомьтесь : «София» – 62

И

- «...И всяк дар совершен свыше есть» – 54, 80
Испытание Гоголем – 30

История русской литературы первой половины XX века (советский период) – 9
История русской поэзии – 10

К

К истории одного спора – 45
К проблеме анализа лирической системы Анны Ахматовой – 50
К проблеме генезиса лирики Бориса Пастернака – 43
К проблеме поэтического генезиса Мандельштама – 42
К проблеме современной философской лирики – 22
К проблеме формирования мифологемы русской культуры... – 46
К проблеме целостного анализа лирической системы А. А. Ахматовой – 31
К характеристике понятия "советская литература" – 96
«Кде Святая София, ту Новгород...» – 55, 81

Л

Лекции по русской литературе XX века – 7
Лирика О. Мандельштама 1908-1912 гг. – 26
Лирика Осипа Мандельштама – 8, 93
Лия и Елена – 92
«Логизм вселенской идеи» – 47

М

Малому филфаку - два года – 94
Осип Мандельштам – 109
Мандельштам и Тютчев – 25
Мифологема «смерти поэта» в стихотворении Осипа Мандельштама «Концерт на вокзале» – 82

Н

«Наполняются реки водой...» – 112
Натюрморты Елены Базановой – 114
«Наши дороги ведут к Эрзеруму» – 83
Некалендарный XX век – 16, 18
Некрасов в поэтическом сознании Мандельштама – 27
«Некто в чесуче» – 70, 101
Нельзя заменить идею культуры идеями нации – 90
Немеркнущий свет : еванг. мотивы в рус. поэзии – 20
Ночь над Евфратом – 71, 72, 73

О

О донжуановском коде в «Поэме без героя» Анны Ахматовой – 104
О логике поэтической судьбы Маяковского – 56
О монстрах и героях : как начиналась советская литература – 57
О новгородских ересьях XV века – 77
О стихотворении Мандельштама «Среди священников левитом молодым...» – 65
О фольклорном подтексте сталинской темы в воронежских стихах Мандельштама – 97
Об «акмеизме» О. Мандельштама – 48, 51
Об одном «блоковском» эпизоде в биографии Анны Ахматовой – 98
Об одном пушкинском сюжете в «диалоге» М. Цветаевой и О. Мандельштама 10-х годов – 32
Образ Петербурга в лирике Осипа Мандельштама 1910-х годов – 66
Опыты – 13, 15, 17, 19
От Некрасова к Пушкину – 37
Отзыв о кандидатской диссертации М. В. Серовой... – 113

П

Борис Пастернак – 110
Полночные строфы – 106
Поэтическая стихия – 28
Поэтический мир Сергея Есенина – 74
Проблема художественных традиций в современной лирической поэзии 50-х - начала 70-х гг. – 1
Пушкин в творческом сознании Александра Блока – 40
Пушкин в эстетическом самосознании русского символизма – 38
Пушкинская традиция в русской поэзии первой половины XX века – 4, 5, 6
Пушкинская традиция в русской поэзии XX в. – 2
Ранняя лирика Осипа Мандельштама – 49

С

Свечение пламени духовного – 34
Святитель Евфимий – 58, 59, 84
Святые воины – 67
Старица Мария Михайловна – 68, 85
Стихотворение Д. Самойлова «Пестель, поэт и Анна» – 21
[Стихотворения] – 111
Мария Алексеевна Строганова – 64, 86

Т

Тайна Веры-Молчальницы – 74, 87
«Тарковским я переболел в юности...» – 107

«Тихие песни» Иннокентия Анненского – 52
Трагедия генерала Власова – 60
«Три измерения пространства» – 76

У

«У шкатулки ж тройное дно...» – 99

Ф

Фет и проблема традиций в советской поэзии – 23
Фридрих Ницше в Новгороде – 102

Х

Хождение по мукам советской литературы – 95
Художественная традиция в историко-литературном процессе – 12
Художественные традиции в современной поэзии – 3

Ц

Центральная коллизия в «Поэме без героя» Анны Ахматовой – 35

Ч

«Что за прелесть эти сказки...» – 41

Указатель сокращений

АН – Академия наук

ИвГУ – Ивановский государственный университет им. Первого в России Иваново-Вознесенского общегородского Совета рабочих депутатов

ИНИОН – Институт научной информации по общественным наукам

ЛГПИ – Ленинградский государственный педагогический институт им. А. Герцена

ЛГУ – Ленинградский государственный университет им. А. А. Жданова

МПГУ - Московский педагогический государственный университет

НГПИ – Новгородский государственный педагогический институт

НовГУ – Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого

РАН – Российская Академия наук

Указатель соавторов

Бердяева О. С. – 37

Жервэ Н. – 53, 54, 55, 62, 63, 79, 80

Игошева Т. В. – 10

Кульпинова Т. – 53

Моисеев С. – 54, 79

Петрова Г. В. – 10

Содержание

Предисловие.....	
Хроника жизни и деятельности	
Жизнь и научная деятельность В. В. Мусатова	
Указатель трудов	
Диссертации.....	
Монографии.....	
Статьи, интервью, рецензии из периодических изданий, сборников, энциклопедий, материалов конференций	
Литература о В. В. Мусатове	
Алфавитный указатель трудов.....	
Указатель сокращений.....	
Указатель соавторов.....	

Библиографическое издание

Мусатов
Владимир Васильевич
Библиографический указатель

Составители
Наталья Анатольевна **Сёмина**,
Татьяна Ивановна **Козлова**

Оригинал–макет подготовлен НБ НовГУ

Изд. лиц. ЛР № 020815 от 21.09.98
Подписано в **печать**. Бумага офсетная. Формат 60х84 1/16
Гарнитура Times New Roman. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 2,21. Уч.–изд. л. 2,00. Тираж 200 экз. Заказ №

Издательско–полиграфический центр
Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого
1 73003, Великий Новгород, ул. Б. Санкт–Петербургская, 41.

Отпечатано в ИПЦ НовГУ им. Ярослава Мудрого.
73003, Великий Новгород, ул. Б. Санкт–Петербургская, 41.